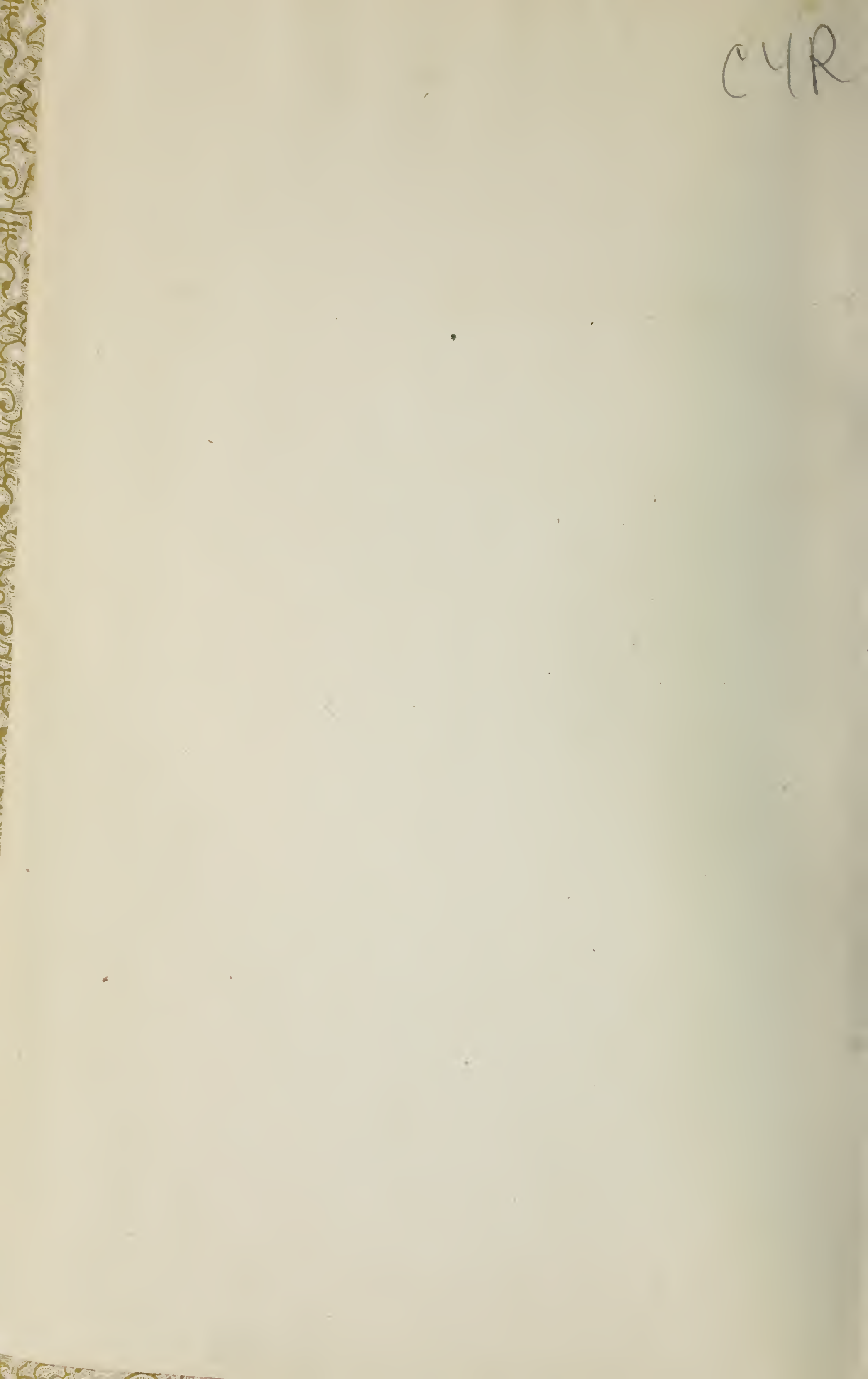

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

C4R

СТИХОТВОРЕНІЯ

Алексѣя Шаржинскаго.

ОДЕССА

въ типографіи Л. Нитче.

1870.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Алексѣя Шаржинскаго.

1861—1869.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. В. Шаржинскаго.

1861 — 1869.

ОДЕССА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Л. НИТЧЕ.
1870.

Дозволено цензурою. Одесса, 18-го мая 1870 года.

ПОМИНКИ.

Горькимъ моимъ словамъ посмѣются.
Пророкъ Іеремія.

Садъ запущенъ; домъ развaленъ;
    Греблю прорвало.
Всѣмъ здѣсь, видно, правилъ баринъ,
    Только все прошло.

Правилъ многіе онъ годы,
    Плохо ѣлъ и пилъ,
Да изъ хлѣба, въ дни невзгоды,
    Кониковъ лѣпилъ.

Ѣлъ онъ, что дешевле было:
    «Обойдусь и такъ:
«За недѣлю вотъ уплыло —
    «Гривна да пятакъ!

«Деньги даромъ не даются, —
    «Надобно беречь!»
И бывало всѣ смѣются,
    Слыша эту рѣчь.

Былъ онъ скупъ уже чрезмѣрно:
    Какъ бы вамъ сказать?
Имѣлъ этакъ онъ, примѣрно,
    Тысячъ сорокъ пять!

Разъ въ году бывало баринъ
    Выйдетъ на крыльцо,
Низко стрыженъ, какъ татаринъ,
    Красное лицо;

Въ картузѣ временъ Адама;
    Съ костылемъ въ рукѣ;
На халатѣ дыры прямо,
    Клопъ на козыркѣ.

Выйдетъ онъ бывало, сядетъ
    Съ трубочкой, крехтя,
Слабъ и хилъ; могло-бы сладить
    Съ нимъ, кажись, дитя.

Посидитъ, окинетъ взоромъ
    Все свое добро;
Но, увидѣвъ подъ заборомъ
    Грязное перо,

Крикъ подыметъ: «эй, бѣгите:
    «Годное, аль нѣтъ?»
Такъ онъ прожилъ, поглядите,
    Цѣлыхъ двадцать лѣтъ!

Жилъ одинъ, людей дичился;
Въ спальнѣ цѣлый вѣкъ
Старый баринъ копошился —
Странный человѣкъ!

Но вѣдь были времена-же —
Нè жилъ баринъ вахлакомъ;
А бывало въ экипажѣ,
Да еще шестерикомъ,

Ѣдетъ къ доброму сосѣду,
Тамъ сосѣдушка къ нему,
Дѣлятъ дружески бѣсѣду...
А теперь вотъ — не пойму!

Вотъ судьба-то — лиходѣйка,
Какъ измѣнчива она:
Посмѣялась — чародѣйка —
Грибомъ сѣлъ мой старина.

И вѣдь жилъ, сказать, по барски,
Должность тоже занималъ,
Да имѣлъ подарокъ царскій,
Значитъ дѣло понималъ!

При молдавскомъ онъ Диванѣ
Засѣдалъ въ былые дни;
Ну, а послѣ въ Карабанѣ *)
Тожь сидѣлъ въ кругу родни.

*) Деревня.

Тамъ построилъ деревушку,
Садъ завелъ и два пруда,
Все обстроилъ, какъ игрушку,
Паномъ зажилъ, хоть куда.

Вся окружность загремѣла:
«Вотъ Ш—скій — каково!»
И за дѣломъ, и безъ дѣла
Потащилося родство.

И довольный непритворно
Жалъ онъ руки иногда;
Только времячко проворно
Гнало бѣдному года.

Заболѣлъ старикъ и ровно
Сиднемъ двадцать лѣтъ сидѣлъ,
Ужъ, казалось, хладнокровно
Онъ на божій міръ глядѣлъ.

Лѣто, зиму — спальня, зала
Были свѣтомъ для него;
Въ нихъ-то время пролетало
Старика и одного.

Отъ угла и вдоль дивана
Созерцалъ онъ всѣ красы,
Да по утру ранымъ рано
Заводить любилъ часы;

Только маятникъ качался,
Стрѣлокъ не было давно,
Что-же? бѣдный утѣшался:
Ему было все равно.

Мой отецъ подчасъ бывало
Покалякать съ нимъ зайдетъ, —
Тутъ ужь дядя, какъ попало,
Съ братомъ рѣчи поведетъ:

«Вотъ погода-то какая!
«Что тамъ дѣлаетъ лакей?
«Ныньче ночь.... тово.... большая....
«А кормили лошадей?

«Говорятъ, съ Наполеономъ
«Всѣ державы поднялись...
«Вотъ, тово... въ саду зеленомъ
«Снова галки завелись!»...

И отецъ бывало только
Скажетъ: «да!» въ отвѣтъ ему.
Такъ онъ дни влачилъ, нисколько
Не внимая ни чему!

Онъ читать не могъ: — слабѣли
Съ каждымъ днемъ его глаза;
Но однажды просвѣтлѣли
И блеснула въ нихъ слеза.

Какъ-то съ дядей разсуждая
Про Царя Державный Родъ,
Я изъ жизни Николая
Вспомнилъ этотъ эпизодъ:

Разъ по улицамъ столицы
Трупъ умершаго везли.
У печальной колесницы
Ни парадъ, ни людъ не шли;

Только грустно раздавался
Голосъ бѣднаго чтеца,
Да печально колыхался
Гробъ сосновый мертвеца.

Вдругъ на встрѣчу Царь... Печально
Съ экипажа онъ встаетъ
И послѣдній долгъ прощальный
Горемыкѣ отдаетъ.

И за дрогами уныло
Тихой Царь пошелъ стопой....
Солнце яркое свѣтило
Надъ стекавшейся толпой.

Царь взглянулъ и молвилъ: «дѣти!
«Проводите бѣдняка,
«Видно, онъ душой на свѣтѣ
«Былъ одинъ!»... И такъ, пока

Звукъ прощальный не раздался,
Не сокрылся гробъ изъ глазъ,
Съ нимъ никто не разставался,
Проводя въ послѣднiй разъ.

Дядя слушалъ, и слезою
Оросились вдругъ глаза,
И дрожащею рукою
Онъ отеръ ихъ два раза.

«Да... тово!» И послѣ много,
Много разъ онъ вспоминалъ
О покойникѣ убогомъ
И Царя благословлялъ.

Видно, — душу въ немъ живую
Можно было обрѣсти,
Но, въ среду попавъ такую,
Онъ всему сказалъ: «прости!»

Нелюдимый, чуждый свѣту
Догоралъ онъ въ тишинѣ...
Догорѣлъ.... и повѣсть эту
Написать пришлося мнѣ.

Подъ конецъ онъ мало правилъ,
Правилъ братъ его,
И наслѣдникамъ оставилъ
Много кой-чего.

Но за то, когда дѣлились —
Вотъ ужъ былъ Содомъ.
Право — этакъ сильно злились,
Чуть не съѣли домъ!

Да спасибо, членъ опеки
Много пособилъ:
Онъ наслѣдниковъ «калѣки» *)
Прямо съ толку сбилъ

Опекунъ себѣ вмѣшался,
Тоже запыхтѣлъ.
Словомъ, всякій потѣшался,
Кто только хотѣлъ!

«Домъ зачѣмъ вамъ? Посудите:
«Лучше-бы продать.
«Впрочемъ, денегъ не хотите —
Можно землю дать!»

Посудили, порядили,
Только не дали,
Хотя много говорили, —
Денегъ, ни земли!

Разбрелись вездѣ потомки
Дяди старика;
Ихъ дѣянія не громки,
Честь не велика.

---

*) Отецъ мой былъ раненъ въ войну 1831 г.

Первый я, хотѣлъ учиться, —
Только не успѣлъ;
Имѣлъ счастіе проститься
Съ тѣмъ, что ужь имѣлъ.

Продалъ землю, векселями
Деньги взялъ сполна;
Былъ любимъ опекунами....
Дальше пѣснь грустна!

Младшій братъ мой горячился:
Думалъ воевать;
А потомъ себѣ женился,
Началъ ѣсть и спать.

Александра *) на заводы
Опекунъ послалъ;
Захотѣлъ бѣднякъ свободы
И оттоль удралъ.

Знать, механикомъ бѣднягѣ
Не судилось быть.
Нанялъ землю отъ Ш—ки,
Сталъ скитальцемъ жить.

Въ кожухѣ зимой и лѣтомъ,
Руки словно сталь, —
Хоть бѣды и нѣту въ этомъ,
Только какъ-то жаль!

---

*) Третій братъ.

Что-жъ? Работайте, ребята!
Бѣдность не порокъ.
Заживемъ и мы когда-то,
Только дайте срокъ!

Благодарствуйте опекѣ
За ея труды,
Что наслѣдники «калѣки»
Не несли бѣды;

Только голые, босые
Плакали не разъ,
Благодѣтели родные,
Вспоминая васъ!

О, мы долго не забудемъ,
Каково терпѣть,
И опекѣ вѣчно будемъ
Панихиды пѣть!

Эти грустныя поминки —
Исповѣдь моя.
Лжи здѣсь нѣту ни пылинки:
Самъ племянникъ я!

—⋄○⋄—

ГРОБНИЦА ВЪ БУЗЕНТО.

(Изъ Платена).

Надъ Бузенто, у Козенты слышенъ шумъ глухой;
Изъ рѣки несется говоръ въ тишинѣ ночной:

Слышно имя Алариха, Готѳовъ короля;
То въ объятья принимаетъ юношу земля.

Замелькали быстро тѣни воиновъ лихихъ, —
Въ руслѣ вырыта могила для кумира ихъ.

И на дно рѣки глубокой, волны отклоня,
Опустили трупъ холодный, латы и коня;

Надъ могилою-жь сырою, въ память прошлыхъ дней,
Посадили лотосъ бѣлый — пышный мавзолей....

Снова волны зашумѣли, понеслась вода,
Слѣдъ гробницы королевской скрывши навсегда.

Грустно пѣсня раздавалась въ тишинѣ ночной,
Надъ Бузенто пронеслася и ушла съ волной.

МЕЛОДІЯ.

«Пробудись, моя голубка!
«Скажу тебѣ вѣсть:
«У тебя въ свѣтлицѣ чистой
«Гость нежданный есть!»
Пріодѣлась моя крошка,
Будто не спала,
И своей прислугѣ вѣрной
Спать ужь не дала.
— «Подымайтесь, мои слуги.
Дайте мнѣ свѣчу, —
Поглядѣть милому въ очи
Я скорѣй хочу!
Ахъ! чего ты, мой голубчикъ,
Весь такъ исхудалъ?» —
«За тобою, ангелъ милый,
«Что давно видалъ!»
«Отъ чего ты, моя крошка.
«Стала такъ блѣдна?»
— «Все скучала, ненаглядный,
Безъ тебя — одна!»

БАЛЛАДА.

Нѣмая громада, Шпицбергенъ сѣдой,
Гробницею мрачной стоитъ въ океанѣ;
Не блещетъ лучъ солнца надъ нимъ золотой;
Тускнѣютъ и звѣзды, и мѣсяцъ въ туманѣ.

Повѣрье такое живетъ межъ людей,
Что каждый годъ, въ полночь глухую,
Какъ только тамъ буря завоетъ сильнѣй,
У берега видятъ старуху сѣдую,

Летящую смѣло по бурнымъ волнамъ
На лодкѣ со свитой своею,
И грозная пѣсня проносится тамъ,
И сердце трепещетъ облитое ею.

«Здѣсь наше все, наше! И вѣры здѣсь нѣтъ!
«Жизнь наша милѣе и краше!
«Здѣсь звонъ колокольный не слышится, нѣтъ!
«Здѣсь наше все, наше и наше!»...

Такъ въ полночь глухую по синимъ волнамъ,
При ропотѣ громкомъ пучины,
«Дочь Ирода» — цынга проносится тамъ,
И съ нею несутся кручины!

Но смѣло, безъ страха, сѣдой исполинъ
Зловѣщія пѣсни и ужасъ встрѣчаетъ
И воемъ лишь бури, да грохотомъ льдинъ
Надгробному пѣнью одинъ отвѣчаетъ.

ВОЕННАЯ ПѢСНЯ.

(Волынцамъ).

Велика наша Держава,
Святъ и крѣпокъ нашъ Алтарь.
Тебѣ, Рускій воинъ, слава!
Тебѣ слава, Русскій Царь!

Севастополь намъ во вѣки
Будетъ памятенъ и святъ:
Тамъ лилися крови рѣки,
Тамъ за брата падалъ братъ!

Пусть крамольные толпами
Вновь идутъ на нашу рать:
Смѣло встрѣтимъ ихъ штыками, —
Съ нами Божья благодать!

Мы знамена боевыя
Надъ собою разовьемъ.
За насъ молится Россія,
За Нее мы въ бой идемъ!

Матерей благословенья,
Плачъ дѣтей, молитвы женъ
Насъ въ минуты наступленья
Оградятъ со всѣхъ сторонъ!

Эй! дружнѣе въ круговую:
Отъ души Царю привѣтъ!
Онъ хранитъ страну родную, —
Александру — много лѣтъ!....

* * *

Вихорь снѣжный заметаетъ
На долинѣ слѣдъ;
Въ камелькѣ огонь пылаетъ,
Льетъ лампада свѣтъ.

Подъ завѣтныя мечтанья,
Я пускаю дымъ,
И мои воспоминанья
Улетаютъ съ нимъ.

Пусть несутся чередою
Часы прежнихъ лѣтъ,
И уносятъ за собою
И послѣднiй цвѣтъ!

Всѣми кинутый, болѣя,
Сохну, вяну я;
Только вѣтеръ, въ полѣ вѣя,
Радуетъ меня.

EXTASE.

(Изъ Виктора Гюго.)

На берегу я разъ стоялъ.
Ночь упоеніемъ дышала:
Ни тучъ, ни трепетнаго вала!
Мой взоръ далеко убѣгалъ.
Мнѣ все казалося, что горы,
И волны синія на морѣ,
И всторонѣ зеленый лѣсъ
Горѣли пламенемъ небесъ.
Свѣтилъ небесныхъ милліоны
Вверху, внизу, и здѣсь, и тамъ
Плыли, какъ будто легіоны,
По безпредѣльнымъ небесамъ.
Все, гармонируя, сливалось,
Дыша святою тишиной,
А, подъ короною ночной,
Хвалебной пѣснью разливалось
Признанье моря и свѣтилъ
Творцу Вселенной — Богу Силъ!

* * *

Одна минувшая тоска мнѣ осталась.

Шиллеръ.

Не мнѣ бѣдному,
Знать, любить тебя?
Не мнѣ бѣдному
Цѣловать тебя?

Поле чистое
Заросло травой,
Ясно солнышко
Въ тучу спряталось.

И зачѣмъ съ тобой
Повстрѣчался я,
Полюбилъ душой
Горячо тебя?

Ужь на то-ль, чтобъ день
Деньской до ночи
Тосковалъ все я,
Распѣваючи:

Не мнѣ бѣдному.
Знать, любить тебя?
Не мнѣ бѣдному
Цѣловать тебя?

А остались мнѣ
Только, бѣдному,
Слезы горькія
Въ утѣшеніе!

* * *

Въ лѣсу, и въ лѣсу, только тамъ и раздолье.

Гейне.

Утромъ, только день проснется,
Ухожу я въ лѣсъ.
Тамъ давно уже несется
Пѣсня до небесъ.

Улетаютъ эти звуки,
Далеко звеня...
Съ ними мчатся сердца муки,
Мчатся отъ меня...

Пусть бы муки улетѣли:
Здѣсь вольнѣе жить!
Здѣсь предался бы я цѣли:
Вѣрить и любить!

Здѣсь, въ лѣсу, одинъ съ природой
Въ бурю, въ лѣтній зной,
Насладился-бъ я свободой,
Отдохнулъ душой!

* * *

Надъ моремъ далеко, какъ будто бахрамой,
Скользятъ лучи луны роскошной, золотой.
И отливая блескъ, и раскидая тѣнь
Тѣснятся по скаламъ съ ступени на ступень.
Ночь тихая плыветъ; лишь рокотомъ волны
Порою берега отъ сна пробуждены.
Одна она сидитъ, и золотыя
Сбѣгаютъ волосы на перси налитыя.
И шепчетъ тайный духъ ей прелести любви,
И жгучею струей огонь бѣжитъ въ крови.

ВЪ ПАВЛОВКѢ.

Шумитъ уныло старый садъ,
И кленъ, и берестъ одичали;
Запущенъ дивный виноградъ;
Цвѣты засохли и увяли.

А какъ бывало все цвѣло!
Какъ прудъ роскошно разливался!
Теперь засохло все, прошло....
Одинъ печальный видъ остался!

Порою слезы, какъ роса,
Въ моихъ глазахъ блестятъ невольно.
И ноетъ сердце больно, больно,
И вздохъ летитъ на небеса!

АТТИЛА.

«То былъ человѣкъ, отмѣченный рокомъ, человѣкъ, родившійся для устрашенія народовъ и потрясенія земли».

Іоарнандъ.

Пируетъ вождь; его рабы
Разносятъ кубки золотые.
И кубки медомъ налитые,
Съ краями греческой рѣзьбы,
Изъ устъ въ уста вливая влагу,
Вливаютъ бодрость и отвагу.

Веселье, шумъ! На брачный пиръ
Сошлась вся Бактрія и плещетъ.
И тотъ, предъ кѣмъ дрожалъ весь міръ,
Теперь предъ женщиной трепещетъ!

То Бактріанскаго Царя
Младая дочь, краса полміра,
Стройна, какъ греческая лира,
Чиста, какъ ясная заря,
Собой Вождю затмила битвы
И стала идоломъ молитвы!

Суровый Гуннъ ужъ не суровъ!
Онъ веселъ; медъ рѣкою льется....
Какъ вдругъ — хрипѣнье раздается,
И хлынула внезапно кровь!

Умолкнулъ пиръ. Вокругъ Аттилы
Столпились гости и рабы...
Казалось, онъ и у судьбы
Хотѣлъ исторгнуть разомъ силы:
Рванулся снова, — но струя
Крови упорнѣй побѣжала,

И смерть его въ объятьяхъ сжала!
И грустно приняли друзья
На руки трупъ Вождя. И крики
Смѣнили пиръ и громъ музыки!

Умолкнулъ пиръ. Въ глухой степи
Могилу храброму копали.
Печально воины шептали:
«Спи, Вождь великій, тихо спи!
«Не призовутъ ужъ звуки къ бою
«Тебя, могучаго Вождя!
«Покроемъ мы тебя землею;
«Но часто, будто отъ дождя,
«Почуешь шумъ ты нестерпимой,
«То слезы женщины любимой!
«Спи, Вождь великій, тихо спи!»

Оконченъ домъ въ землѣ сырой:
Судьба и смерть замолкли обѣ,
И спущенъ въ землю былъ герой
Въ великолѣпномъ царскомъ гробѣ.

И всѣ заколоты были
Рабы, копавшіе могилу,
Чтобы повѣдать не могли,
Гдѣ погребли Вождя Аттилу!

* * *

Гомеръ, написавши свою Иліаду,
Смежилъ тихо очи и нищимъ заснулъ.
Вѣка пронеслися, и имя поэта
Цари произносятъ, вѣнчая хвалой!

НА МОГИЛѢ.

Ночь прохладная, нѣмая
Тихо дышетъ съ высоты.
Пробудись, моя родная,
Подымись изъ гроба ты!

Солнце-ль на небѣ сіяетъ,
Или дышетъ ночи мгла,
Такъ никто ужь не ласкаетъ,
Какъ родимая могла.

Скоро-ли на слезы сына
Ты откликнешься опять?
Дольго-ль горькая кручина
Будетъ сердце мнѣ терзать?

* * *

О память сердца! ты сильнѣе
Разсудка памяти печальной.

К. Батюшковъ.

Я помню тотъ вечеръ, когда за горою
Садилося солнце, и жаръ остывалъ,
И прудъ деревенскій, подернутый мглою,
Волшебныя тѣни порой рисовалъ.

Тѣнистыя вербы, склоняясь, шумѣли,
Зеленыя вѣтви купая въ водѣ;
Алмазныя звѣзды на небѣ горѣли,
Лучи отражая въ зеркальномъ прудѣ.

Картиною, помню, тогда любовалась
Красавица дѣва вечерней порой,
И тихо въ зеркальномъ прудѣ отражалась
Съ своею волшебной красой.

Казалося, звѣзды глядѣли и стройно
Царили надъ чудной головкой ея.
Все было такъ тихо; одно неспокойно
Лишь билося сердце мое!

. . . .

И часто я послѣ старался въ напѣвы,
Иль въ грустную думу тоску перелить.
Теперь-же не стало ни ночи, ни дѣвы,
И сладкимъ мгновеньямъ ужь больше не быть!..

* * *

Какъ эта скучная погода,
Грустна, ты молодость моя!
До двадцать третьяго ужъ года
Добрался какъ-то бѣдный я.

Вся жизнь моя печаль да муки,
Сиротство, горькая нужда.
Съ моей душой страданья звуки
Не разстаются никогда!

О, Боже! Дай мнѣ жизнь другую,
Изьми меня отъ нищеты!
. . . .

Пускай мнѣ радость хоть на время
Блеснетъ алмазною звѣздой!
Пускай я скину это бремя,
Что давитъ вѣкъ мой молодой!

Не посылай-же мнѣ страданій,
Господь, Надежда Ты моя,
Или подъ гнетомъ испытаній
Увяну слишкомъ рано я!

КОСЪ-АРАЛЪ.

(Изъ Шевченка)

Готово! Парусъ распустили, —
Байдара малая (баркасъ)
Въ Сыръ-Дарью мутными волнами
Межъ камышами поплелась.
Прощай-же Косъ-Аралъ убогій!
Въ два года мы съ тобой сжились,
Ты раздѣлялъ мою кручину, —
Спасибо, другъ мой! Похвались,
Что и тебя сыскали люди
И знали дѣлать что съ тобой....
Прощай-же, милый! Ни хвалой,
Ни бранью я не увѣнчаю
Твоей пустыни; въ лучшемъ краѣ
Прійдется, можетъ, вспомянуть
Былую грусть когда нибудь......

ЭЛЕГІЯ.

Пушистый снѣгъ на землю легъ;
Спустились облака.
Кого любилъ, кого берегъ,
Та нынче далека!

Въ поляхъ пушистый снѣгъ лежитъ,
Все окрестъ занесло.
Покой отъ глазъ моихъ бѣжитъ:
Мнѣ грустно, тяжело!

Но вотъ повѣяло весной:
И тишь, и благодать!
Тебя-жъ, мой ангелъ молодой,
Мнѣ больше не видать!

И только счастіе «любить»
Осталося со мной.
Но мыслить, чувствовать и жить
Позволь тобой одной!

Коверъ весны на землю легъ;
Въ тѣни журчитъ ручей,
А тотъ, кого я такъ берегъ,
Угасъ, какъ блескъ лучей!

ГИМНЪ ДУШИ.

Душа свѣтла... въ минуту вдохновенья
Хотѣлъ бы я на Божій Судъ предстать!
Н. Станкевичъ.

Полна звуковъ серебристыхъ
Пѣсня соловья, —
Такъ полна восторговъ чистыхъ
И душа моя!

Эти, прелесть вдохновенья,
Звуки изъ души
Я въ минуты умиленья
Лью въ ночной тиши.

Въ небесахъ я вижу Бога,
Слышу благодать.
Въ сердцѣ чистомъ мыслей много —
Трудно передать!

Въ нихъ сливаются: святое
И души восторгъ.
Все отринуто земное,
Въ сердцѣ только Богъ!

Эти свѣтлыя мгновенья —
Мой восторгъ въ тиши;
Эта прелесть умиленья —
Это гимнъ души!

ПОЛЕ.

Вокругъ и озими, и ржи:
Картина дивная природы!
Вдоль отъ межи и до межи
Шумятъ колосья, точно воды.

А въ небѣ царственный покой,
Тамъ не слыхать ни слезъ, ни пеней!
Лишь пѣсня тысячи растеній
Звучитъ подъ высью голубой!

Дышать мнѣ на полѣ привольно:
Тамъ спитъ душевная гроза,
Тамъ изъ очей бѣжитъ невольно
Восторга чистая слеза!

КАШЕМИРЪ.

Золотое солнце міра
    Льетъ волшебные лучи,
А въ долинѣ Кашемира
    Бьютъ цѣлебные ключи.

Эта райская долина
    Вѣкъ цвѣтами убрана,
Для монгола — властелина,
    Щедрымъ небомъ создана!

Если-бъ крылья золотыя,
    Улетѣла-бъ въ тѣ края
Черезъ рѣки голубыя
    Грусть тяжелая моя!

Тамъ бы, можетъ, небо Юга
    Навѣвало счастья сны;
Не смущала-бъ сердца вьюга,
    А лелѣялъ лучъ весны!

И душею огневою,
Восхваляя Бога Силъ,
Съ ароматною струею
Я-бъ молитвы возносилъ.

Тамъ бы звала громко лира
Дни минувшей старины,
А долина Кашемира
Навѣвала счастья сны.

ДѢТСТВО.

Все утекло. Только слезы остались мои: для чего-же?
А. Мицкевичъ.

Я помню время золотое,
Я помню лучшіе года;
То было дѣтство дорогое....
Оно угасло навсегда.

Отрада жить воспоминаньемъ
Осталась только нынче мнѣ.
Я друженъ сталъ съ однимъ страданьемъ;
Восторгъ мой — слезы въ тишинѣ.

И мнѣ лишь изрѣдка порою
О прошломъ сердце говоритъ.
Такъ лучъ послѣдній за горою
Верхушки лѣса золотитъ.

СТЕПИ.

Опять передо мной знакомыя поля!

Е. Гребенка.

Эхъ, вы, степи, мои степи,
Отдохнулъ бы съ вами я!
Разорвалъ бы грусти цѣпи:
Тяжела мнѣ жизнь моя!

Вотъ, весною въ изумруды
Уберется вся земля.
Лягутъ груды травъ на груды,
Украшаючи поля.

Что за пѣсни разольются
Въ безпредѣльной вышинѣ!
Эти пѣсни отдадутся
Въ чистой сердца глубинѣ.

Не видать мнѣ свѣтлой доли:
Надъ моею полосой,
Словно пахарь въ чистомъ полѣ,
Горе шляется съ косой.

ЭЛЛАДА.

О Греція, гробница славы!
Ты и въ паденьи велика!
Байронъ.

Тамъ, надъ Элладой, далеко
Звѣзда сіяетъ золотая;
Туда-то мчится такъ легко
Мечта поэта молодая.

Тамъ воскресаютъ передъ ней
Давно забитыя руины
И вызываютъ изъ тѣней
Колонны, портики, картины!

Гомера нѣтъ! Пиндаръ утихъ!
На небеса ушелъ ихъ геній;
Но блещетъ въ лаврахъ золотыхъ
Вѣнокъ безсмертныхъ ихъ твореній.

Ты спишь, о дивная страна!
А надъ гробницей вѣковою
Поютъ и плачутъ племена,
Чело склоняя предъ тобою!

Такъ пролетятъ еще вѣка,
Тебя покроютъ больше тѣни;
Но все-жь поэтъ изъ далека
Прійдетъ сюда склонить колѣни...

И, предъ увядшей красотой,
Гдѣ боги нѣкогда витали,
Возьметъ на арфѣ золотой
Аккорды, полные печали!

ЗИМНІЯ НОЧИ.

Эхъ, вы, ноченьки,
Ночи чудныя!
Звѣзды дивныя,
Изумрудныя!

Мѣсяцъ-батюшка
«Златокованный».
Надъ землей царитъ
Очарованной!

Но порой покой
Прерывается:
Пѣсня по полю
Разливается.

Эхъ, — и грустная-жь,
Пѣсня дивная,
Сердце жгучая,
Переливная!

По степямъ она
Снѣгомъ стелится.
То идетъ — поетъ
Мать-мятелица!

Вотъ зима пришла,
Разстелилася.
Бѣлымъ саваномъ
Степь покрылася!

И ревутъ надъ ней
Бури грозныя.
Праздникъ весь у ней —
Дни морозные!

Въ эти дни зима
Въ небѣ холится,
Въ эти ноченьки —
Богу молится!

———

КЪ ГРЕЦІИ.

Пѣсень нѣтъ; замолкли бои:
Спятъ Пирей и Саламинъ.
Не встаютъ уже герои,
Дѣти Спарты и Аѳинъ!

Ужь Минерва, Афродита,
Не плетутъ тебѣ вѣнца!
Ты не слышишь Ѳеокрита,
Ни Хіосскаго слѣпца! *)

Но твоей цвѣтущей славы
Не коснутся времена:
Смолкнутъ многія державы,
Опочіютъ племена;

Но тебя, страна святая,
Прахъ завѣтный подъ крестомъ,
Врагъ не тронетъ, разрушая,
А падетъ предъ божествомъ!...

---

*) Гомеръ.

ВЕЛИКІЙ ДЕНЬ.

Какъ орелъ, въ лучахъ блистая,
Какъ чистый отблескъ серебра,
Взошла денница золотая —
Предвѣстье мира и добра!

И тихо благовѣстъ далекій
Про «волю» слушать созывалъ.
Казалось, неба сводъ широкій
Въ тотъ день съ народомъ ликовалъ!

Молитва дивная звучала:
То къ Богу Силъ неслась хвала;
То Русь Царя благословляла,
«Освободителемъ» звала!

Народъ! Твоя хвала безъ лести,
Ты заслужилъ покой трудамъ!
Благослови-жь на всякомъ мѣстѣ
Россіи милой Царскій Домъ!

О, лей-же слезы умиленья!
Ликуй! Свобода твой восторгъ.
Царю, Царю благословенья:
Оковы рабства Онъ расторгъ!

НА ДАЧѢ.

Вечеръ тихій, ясный
    День собой смѣнялъ.
Юноша прекрасный
    Тихо догаралъ.

Угасала сила
    Жизни молодой;
Темная могила
    Звала на покой.

Тихо, чуть дышали
    Листья и цвѣты,
Будто повторяли:
    «Бѣдный, бѣдный ты!»

— «Нѣтъ, напрасны слезы, —
Лучшей доли нѣтъ!» —
Клены и березы
Молвили въ отвѣтъ.

Грустная картина.....
Тяжело видать
Гибнущаго сына,
Плачущую мать!

Сердцѣ какъ-то больно
Жмется и дрожитъ,
И слеза невольно
За слезой бѣжитъ.

* * *

Грусть - тоска тяжелая
  На̀ душу легла.
Жизнь ты невеселая!
  Что ты мнѣ дала?

Не знавалъ я радости,
  «Кудри не вились»,
Дни цвѣтущей младости
  Бурей пронеслись.

Не ищу участія,
  Гнуться не терплю;
Только мнѣ и счастія,
  Если полюблю.

Полюблю, — съ подушкою
  Горемъ подѣлюсь
И слезами сладкими
  Горько обольюсь.

ГУРОНЪ.

(В. Д. С.)

I.

Канада вся обложена;
Вездѣ разлито море стоновъ:
Въ Канадѣ вспыхнула война
За независимость Гуроновъ!

Уже французскія войска
Не разъ Индѣйцевъ поражали;
Но тѣ, какъ бурная рѣка,
Въ лѣса дремучіе бѣжали.

И тамъ, подъ тѣнью вѣковой,
Намазавъ стрѣлы острымъ ядомъ,
Вступали снова въ лютый бой
Съ французскимъ избраннымъ отрядомъ.

II.

Межъ лѣсныхъ озеръ Канады,
    На скалѣ крутой,
Послѣ сильной канонады,
    Спитъ отрядъ лихой.

Чуть шумятъ лѣса густые;
    Въ небѣ тишина;
Льетъ на кедры вѣковые
    Блѣдный свѣтъ луна.

Утромъ лагерь пробудился
    Вѣстью роковой:
«Вотъ, съ поста не воротился
    Третій часовой!»

Было велѣно: «патроны
    Даромъ не терять».
Но отважные Гуроны
    Не даютъ дремать.

III.

Гуляютъ тучи на просторѣ;
Шумятъ дремучіе лѣса;
Далеко валъ гремитъ на морѣ,
И гулъ уходитъ въ небеса.

Трибардъ надъ мрачною скалою
Одинъ задумчиво стоитъ
И, предъ минутой роковою,
Въ раздумьи тихо говоритъ:

«Увижу-ль села я родныя
«Цвѣтущей Франціи моей,
«Иль эти скалы вѣковыя
«Меня прижмутъ къ груди своей?»

И сердце воина заныло
Тоской по милой и роднымъ....
Какъ вдругъ луною освѣтило
Въ долинѣ вепря передъ нимъ.

Къ герою мчится онъ и снова
Какъ будто въ сторону бѣжитъ.
Курокъ взведенъ у часоваго,
Онъ зорко вепря сторожитъ.

Вдругъ видитъ онъ, что, постъ минуя,
Огромный звѣрь бѣжитъ къ нему;
Тогда Трибардъ, врага почуя,
Въ упоръ прицѣлился ему.

Промчался выстрѣлъ по равнинѣ....
На зовъ бѣгутъ со всѣхъ сторонъ
И видятъ воины — въ долинѣ
Лежитъ въ крови гигантъ-гуронъ.

Гуляютъ тучи на просторѣ;
Шумятъ дремучіе лѣса;
Далеко валъ гремитъ на морѣ,
И гулъ уходитъ въ небеса.

ОТЖИВШІЙ ДОМЪ.

Описывай, не мудрствуя лукаво.
Пушкинъ.

Покрытый мракомъ и стыдомъ,
Стоитъ печально старый домъ.
Тамъ тишина и мракъ кругомъ
Торжественно царятъ.

Но видно — жизнь кипѣла тамъ:
Служилъ онъ долго господамъ;
А нынче, должно по лѣтамъ,
Попалъ въ такой нарядъ.

Побиты стекла, оконъ нѣтъ,
Запущенъ барскій кабинетъ,
И уголъ отлетѣлъ.

Вокругъ торчатъ кусты и пни,
Какъ-бы свидѣтели одни
Давно прошедшихъ дѣлъ.

Есть сходъ крутой подъ своды тѣ;
Вотъ тамъ-то, въ душной темнотѣ,
Крестьянинъ гасъ и чахъ.

На шеѣ роги и замокъ,
Чтобы бѣднякъ бѣжать не могъ,
И цѣпи на ногахъ!

И много разныхъ есть вещей,
Что, къ чести родины моей,
На вѣки отняты.

А кто не вѣритъ — посмотри:
Видны еще до сей поры
Кровавые цвѣты!

Что-жъ ныньче? Тихо въ домѣ томъ:
Не рѣжутъ спинъ уже кнутомъ, —
Все дышитъ тишиной;

Лишь вѣтеръ жалобно теперь,
Врываясь въ окна или дверь,
Тамъ стонетъ, какъ больной.

ГЕНРИХЪ НАВАРРСКІЙ.

Давно ужь длится царскій ловъ.
Добычею полны корзины.
Кони уносятъ сѣдоковъ
Черезъ овраги и стремнины.

Рога смолкаютъ за рѣкой;
На землю сходитъ ночи нѣга.
Но что за всадникъ? Вотъ другой!
Король, — во слѣдъ за нимъ — Діего.

Испанецъ гордый на конѣ
Летитъ, какъ туча громовая:
«Король, позвольте молвить мнѣ,
«Для насъ охота есть другая!

Печально стонетъ темный лѣсъ...
Король быстрѣй погналъ Омара.
Отважно мчится Ласкаресъ,
Съ нимъ пистолетовъ блещетъ пара.

Но въ жилахъ Генриха огня
Такія встрѣчи не гасили, —
И вдругъ два сильные коня
Удила разомъ закусили.

«Долой съ коня, Діего мой,
«Омара ты пріими услуги!»...
И сталъ въ чужомъ сѣдлѣ герой
Вокругъ испанца дѣлать круги.

И видитъ страшный Ласкаресъ,
Какъ, пистолеты вынимая,
Король стрѣляетъ въ темный лѣсъ,
Со смертью будто-бы играя.

Потомъ усталаго коня
Король вручаетъ снова другу.
«Пріими спасибо отъ меня:
«Я не забуду вѣкъ услугу!»

И безотвѣтный, злобный донъ
Коня отъ Генриха пріемлетъ
И въ лѣсъ летитъ; и слышитъ онъ,
Какъ тайный страхъ его объемлетъ.

Толпою всадники спѣшатъ:
«Король взволнованъ! Что такое?»
И всѣ тревожно вдаль глядятъ,
А тамъ лишь небо голубое!

—⋄○⋄—

ПОСЛѢДНІЙ АНГЕЛЪ.

(О. Я. Старовой).

Зрѣлище жизни великаго человѣка есть всегда прекрасное зрѣлище: оно возвышаетъ душу, миритъ съ жизнію, возбуждаетъ дѣятольность! ...

В. Бѣлинскій.

I.

Вблизи Корреджіо *) когда-то,
Гдѣ ныньче видѣнъ слѣдъ могилъ,
Подъ именемъ «Тадео-Брата»
Отшельникъ именитый жилъ.

Онъ одиноко поселился
Въ пустынѣ, кинувъ суету.
Послѣднимъ съ бѣдными дѣлился
И честно вѣкъ служилъ Христу!

—

Однажды ночью Братъ внимаетъ,
Что кѣмъ то двери отперты.
Тадео путника встрѣчаетъ, —
То мальчикъ дивной красоты!

*) Корреджіо — селеніе вблизи г. Пармы.

«Скажи, дитя, мнѣ, что съ тобою?
«Какая грусть тебя томитъ?
«Гонимъ-ли ты своей судьбою,
«Иль жизнь суровая страшитъ?»

— «Нѣтъ, добрый Братъ, сильнѣе горе:
«Аллегри *) гибнетъ вся семья. —
«Отецъ мой бѣдный долженъ вскорѣ
«Уйти въ небесные края!

«О, раздѣли ты участь съ нами, —
«Своею дружбой подѣлись!» —
И вдругъ жемчужными слезами
Глаза малютки налились.

И вотъ, дрожащею рукою
Тадео посохъ свой беретъ
И съ Вѣрой теплою, святою
Къ жилищу генія идетъ.

Песокъ не жжотъ Тадео ногъ, —
Его душа тоской объята.
Онъ говоритъ: «когда-бъ далъ Богъ
«Застать живымъ страдальца брата!
«Не отставай, мой милый сынъ,»
Тадео друга ободряетъ.
И въ небѣ мѣсяцъ лишь одинъ
Страданью путниковъ внимаетъ.

*) Аллегри, прозванный въ послѣдствіи „Корреджіо“.

Идутъ. Пришли. Селенье спитъ,
Весенней зеленью залито.
Далеко гдѣ-то громъ гремитъ,
И море мечется сердито.
Въ селеньи тихо; нѣтъ огней;
Все безмятежно почиваетъ.
А въ небеса, гдѣ нѣтъ скорбей,
Душа Аллегри улетаетъ.
Въ убогой хижинѣ одной
Огонь сверкаетъ, погасая.
Тамъ геній брошенный, больной
Лежитъ, спокойно умирая!
Тяжелой бѣдности рука
Его заранѣе сражала
И съ этой жизнью бѣдняка
У міра счастье отнимала!
Но міръ спокойно почивалъ:
Ему страданья были чужды.
Никто не зналъ про эти нужды,
Одинъ Корреджіо страдалъ!
Вокругъ одра его стояли
Въ смущеньи дѣти и жена.
Всѣ слезы тихія роняли,
И ночь внимала имъ одна.
Какъ вдругъ раздался стукъ: то двери
Тадео тихо отворилъ
И на больнаго, полонъ Вѣры,
Онъ взоръ печальный устремилъ.

«Ахъ! Это ты, Тадео? Боже!
«Его Ты самъ ко мнѣ послалъ!»
Съ трудомъ поднявшися на ложѣ,
Аллегри грустно простоналъ.
Тадео плакалъ. — «Что съ тобою?
Скажи, Аллегри милый, мнѣ!
Зачѣмъ ты гаснущей звѣздою
Горишь печально въ тишинѣ?» —
«Зачѣмъ, Тадео? Развѣ горе
«Не издѣвалось надо мной?
«Какъ съ берегами споритъ море,
«Судьбина спорила со мной!
«Зачѣмъ мнѣ жизнь? Грущу и вяну
«Я, какъ цвѣтокъ среди полей.
«Пройдутъ вѣка, и я возстану
«Для славы родины своей!
«Вчера я въ Пармѣ былъ. Монахи
«Мѣшокъ мнѣ золота дали....
«Ахъ! Лучше-бы они до плахи
«Меня страдальца довели!
«Скажи мнѣ, братъ... Нѣтъ, это много...
«Ждетъ привидѣній цѣлый полкъ!..»
И вдругъ, нахмуривъ брови строго,
Смежилъ онъ очи и замолкъ.
«Что съ нимъ?» рыданья заглушая,
Тадео плачущихъ спросилъ.
«Зачѣмъ страдалецъ, умирая,
«Монаховъ Пармы воскресилъ?»

— Зачѣмъ?... О, эта язва злая,
Сказала бѣдная жена, —
Свѣтъ будто кроткій разливая,
Лишь сѣетъ злобы сѣмена.
Вчера онъ въ Пармѣ былъ голодный.
Тамъ за картины бѣдняку
Монаховъ орденъ благородный
Былъ долженъ двѣсти дать экю.
Аллегри долго деньги эти
Съ трудомъ у братіи просилъ,
И чтожь? Монахи, словно дѣти,
За то, что будто онъ бѣсилъ,
Одною мѣдью отсчитали!
И вотъ, подъ ношею такой
Мы всѣ страдальца увидали.
Полдневный жаръ, огнемъ пылая,
Былъ слишкомъ тяжекъ для пути;
Но заставляла нужда злая
Подъ ношей тяжкою идти.
И вотъ онъ, жаждою томимый,
Воды испилъ и въ тотъ-же день
Аллегри — мужъ, отецъ любимый,
Въ горячку впалъ и сталъ какъ тѣнь.—
Жена умолкла. Тутъ мгновенно
Самъ умирающій привсталъ
И молвилъ кротко, вдохновенно:
«Разлуки часъ уже насталъ!
«О, дѣти, милая подруга!

«Всему, всему уже конецъ...
«Иду *туда*: простите друга!..
«Терновый падаетъ вѣнецъ!...
И въ это самое мгновенье,
Когда всѣ пали передъ нимъ,
Проснулось дивное творенье,
То дочь Аллегри, — херувимъ!
До сей поры она не знала,
Что гаснетъ солнце среди дня,
И безмятежно почивала,
Къ соломѣ личико склоня.
Но вдругъ тяжелая завѣса
Упала разомъ. И она,
Дитя прелестное — Агнеса,
Была той сценой смущена.
Ставъ на колѣни торопливо,
Дитя молиться начало.
И вдохновеніе, — о диво! —
Вдругъ на художника сошло!
«Ахъ, дайте кисти мнѣ скорѣе:
«Пусть я картину напишу!
«О, дайте-жь!.. Боже!.. Я прошу!»
Съ трудомъ дрожащею рукою
Художникъ водитъ по холсту,
Съ неимовѣрной полнотою
Чертя Агнесы красоту.
«Конецъ! Какое-жь дать мнѣ имя?
«Головка развѣ херувима?

«О, нѣтъ, «Послѣдній Ангелъ» ты!...»
И, взоръ къ распятью обращая,
Онъ будто выразить хотѣлъ:
«Передъ Тобой семья родная!»
И геній въ небо улетѣлъ.

II.

Прошло полгода. Нищета
Семью Аллегри не кидала.
А про Аллегри, какъ мечта,
Молва стоустая бѣжала.
Съ конца Европы до конца
Все приходило въ удивленье,
Вѣнчая генія-творца
Почти за каждое творенье!

. . . .

Но часъ послѣдній настаетъ:
Жена Корреджіо, рыдая,
Картины мужа продаетъ...
Къ чему-же слава золотая?...

Давно ужь торгъ упорный длится.
Твореній много отнято.
Толпа валитъ, толпа тѣснится;
Вездѣ нахальство разлито.

Но торгъ идетъ... Вдругъ голосъ нѣжный
«Послѣднiй Ангелъ», прошепталъ,
И по толпѣ, какъ гулъ мятежный,
Какой-то говоръ пробѣжалъ.
И вотъ, великое творенье
За пять червонцевъ въ торгъ идетъ.
Толпа приходитъ вся въ движенье,
И каждый болѣе даетъ!...
На тридцати червонцахъ стала
Торговля грустная пока;
Какъ вдругъ толпа затрепетала,
И чья-то сильная рука,
Въ перчаткѣ рыцарской мгновенно
Картину скрыла подъ собой.
И произнесъ пришлецъ смиренно:
«Этюдъ «Послѣднiй Ангелъ» — мой!»
Толпа умолкла. Рыцарь смѣло
Мѣшочекъ съ золотомъ кладетъ
И говоритъ: «пора приспѣла:
«Семья художника живетъ!
«Король Францискъ, цѣня Аллегри,
«И въ знакъ почтенья къ бѣдняку,
«Велѣлъ, узнайте, кавалеры,
«Мнѣ двадцать тысячъ дать экю,
«Чтобы «Послѣднiй Ангелъ» брата
«Остался-бы за Королемъ, —
«И я исполнилъ это свято,
«То видятъ всѣ!» И вдругъ потомъ

Забрало онъ преподнимаетъ:
Его глаза горятъ огнемъ;
Семья колѣни преклоняетъ
И узнаетъ «Тадео» въ немъ!

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА.

Онъ совсѣмъ, совсѣмъ не такъ думалъ открыть ей, но вышло такъ.
Ѳ. Достоевскій.

I.

Тихо свѣчи горятъ;
Трупъ накрытъ кисеей.
Ярко звѣзды блестятъ
Надъ уснувшей землей.

Мрачно, тихо вокругъ:
Нѣтъ ни стоновъ, ни слезъ.
Словно бѣлый жемчугъ,
Серебрится морозъ.

Лишь у ногъ мертвеца
Кто-то близкій сидитъ.
На немъ нѣту лица,
Онъ кручиной убитъ.

Кто-же онъ? Намъ узнать
Не мѣшало-бъ яснѣй:
На столѣ — это мать,
Это зять передъ ней!

Вотъ онъ тихо встаетъ
И, рыданья тая,
Рѣчь къ умершей ведетъ:
«Встань, родная моя!

«Ты одна мнѣ была
«Радость въ жизни моей!
«Ты одна берегла
«Моихъ бѣдныхъ дѣтей!

Я покинутъ женой:
«Безъ вины нелюбимъ!
«Я ужаленъ змѣей,
«Другомъ прежнимъ моимъ!

«Я прощаю вполнѣ,
«Увлеченье цѣня,
«Нелюбовь всю ко мнѣ;
«Но смущаетъ меня,

«Что такъ сильно у ней
«Могутъ чувства всѣ спать,
«Что бросаетъ дѣтей
«Легковѣрная мать!

«На кого-же теперь
«Ты кидаешь меня?....
Вдругъ шатнулася дверь
И, колѣни склоня,

Трое дѣтокъ предъ нимъ,
Трое дивныхъ стоятъ:
Онъ смущенъ, недвижимъ,
Тихо вѣки дрожатъ.

«Станьте, крошки, со мной,»
Онъ малюткамъ сказалъ.
И волшебной струной
Звукъ больной пробѣжалъ

«Матерь Божья! Спаси
«Нашу бѣдную мать!
«Къ намъ любовь воскреси
«Въ ея сердце опять!

«Ты Заступница всѣхъ!
«Свято Имя Твое!
«Пусть глумленье и смѣхъ
«Не смущаютъ ее!...

«Пусть ни града камней
«Содрогнется она!
«Пускай дрогнетъ больнѣй
«Въ ея сердцѣ струна:

«Это слезы дѣтей,
«Это мертвая мать...
«О, пролей-же надъ ней
«Ты свою благодать!

«Дай ей крестъ донести
«До конца безъ труда!
«Заступи и прости
«Ей позоръ на всегда!..»

Такъ молился съ семьей
Оскорбленный отецъ,
И, казалось, порой
Содрогался мертвецъ.

II.

На востокѣ загорался
Новый ясный день;
Свѣтомъ мракъ ночной смѣнялся;
Убѣгала тѣнь;

Лучи косвенно бѣжали,
Отливая блескъ;
Тихо свѣчи догорали,
Издавая трескъ.

Вкругъ узоры рисовались
Въ снѣговой пили.
Тихо гости собирались,
Тихо рѣчь вели.

Все вполголоса шептало:
«Ахъ! Какъ жаль видать...»
И повсюду пролетало
Только слово: «мать».

И, волшебно пробѣгая,
Этотъ звукъ дрожалъ, —
Горе въ сердцѣ отражая,
Больно сердце жалъ.

Но опять печаль да муки
Рвутся изъ души...
Полно! Тихо! Что за звуки
Раздались въ тиши?

То полна душевной муки,
Грустью смущена,
Простираетъ къ мужу руки
Падшая жена!

А за новой Магдалиной
Дивной красоты,
Разливался шипъ змѣинный —
Чадо клеветы!

Но раскаянье смывало
    Прожитой позоръ.
Кротко солнце обливало
    Траурный уборъ.

Разсыпались золотыя
    Кудри по плечамъ;
Улыбались голубыя
    Очи небесамъ.

Вдругъ къ женѣ своей любимой
    Мужъ на грудь упалъ
И въ тоскѣ неизъяснимой
    Сладко зарыдалъ.

А въ вѣнцѣ семейной драмы,
    Какъ посредникъ злобъ,
Съ мертвецомъ, подъ сѣдинами,
    Красовался гробъ!

Радость близкихъ, шопотъ, слезы
    И восторгъ дѣтей —
Навѣвали счастья грезы
    И мирили съ ней.

Новой жизни начинался
    Тихій, ясный день;
Только грустно красовался
    Гробъ, кидая тѣнь.

Но мирила смерть собою....
Тяжело сказать, —
Мужа съ падшею женою
И съ семействомъ мать!

Предъ картинами Айвазовскаго.

Когда на дивныя творенья
Съ восторгомъ тихимъ я гляжу,
То чую силу вдохновенья
И мысль за мыслію бужу,
Вслѣдъ за волшебною мечтою,
Стремясь съ художникомъ туда,
Гдѣ дышетъ море красотою,
Гдѣ блещетъ южная звѣзда;
Гдѣ вѣковѣчными лѣсами
Покрыты склоны скалъ сѣдыхъ,
Гдѣ Чатырдагъ, подъ облаками,
Царитъ въ покровахъ снѣговыхъ.
Туда, въ цвѣтникъ живой природы,
Я съ Айвазовскимъ бы летѣлъ.
Склонясь на холмъ, глядя на воды,
Я умереть-бы тамъ хотѣлъ!

* * *

По Русскому Царству дорожка бѣжала
Отъ Волги широкой, кажись, до Байкала.

По той-ли дорожкѣ не вихри шумѣли:
«Несчастные» пѣсню про долюшку пѣли!

Лѣса наклонялись, той пѣснѣ внимали,
Орлы собирались и прочь отлетали.

Суровыми пѣсня стонала словами,
Какъ будто бы буря качала лѣсами.

Нѣтъ, лучше бъ той пѣсни не слышать во вѣки:
Внимайте ей степи да быстрыя рѣки!

Дума Чернаго Сокола *).

Напомни мнѣ какую нибудь великую мысль; она освѣжитъ меня.

Гердеръ.

Лѣса Америки родимой!
Ужель пророчество сбылось?
Какъ голосъ женщины любимой,
Очарованье пронеслось.

Покинутъ берегъ Ориноко,
Гдѣ, опочивъ порой отъ дѣлъ,
Бывало съ дѣвой черноокой
Я въ небо синее глядѣлъ.

Глядѣлъ и думалъ дерзновенно:
Какъ аллигаторъ, полный силъ,
Въ обширныхъ пампасахъ мгновенно
Встаетъ, прорвавши мягкій илъ,

Возстанетъ такъ родное племя
Моихъ товарищей лихихъ!
Я жду — ужь близко это время:
Не плещетъ море, лѣсъ затихъ.

*) Извѣстный поэтъ — Индѣецъ.

Но тишь — предвѣстье страшной бури!
Не даромъ такъ все замерло, —
Одинъ лишь мигъ — и по лазури
Промчится Сокола крыло!

Къ ***

Разсказъ объ участи твоей
Коснулся струнъ души моей,
И отдалися звуки тѣ,
Какъ громъ органа, въ высотѣ
Пустаго храма . . . .
. . . .
Мнѣ страсть безумная чужда!
Пожавши руки, навсегда
Разстаться мы съ тобой должны,
Какъ двѣ столкнувшихся волны.
Я сердцемъ простъ, душою тихъ,
Затѣмъ восторговъ огневыхъ
Съ тобою мнѣ не раздѣлять;
Могу я только отвѣчать
На слезы горькія твои
Вниманьемъ дружеской любви.

И мнѣ приходится шепнуть:
«Не припадай ко мнѣ на грудь!»
Какъ Полежаевъ говорилъ,
Живой мертвецъ среди могилъ.
Я, какъ Шопенъ, скажу тебѣ
Лишь слово «жаль!» Къ твоей судьбѣ
Оно идетъ, какъ свѣтъ луны
Къ отливу синему волны.
Теперь ты поняла меня?
Весь пылъ любовнаго огня
Я погасить хочу, пока
Лучъ не блеснулъ сквозь облака.

---

* * *

Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать!

Н. Некрасовъ.

О, какъ хотѣлъ бы плакать я!
Зачѣмъ суровая недоля
Отъ тишины, лѣсовъ и поля
Сюда забросила меня?

Я, какъ дикарь живя съ природой,
Иною-бъ жизнію дышалъ
И наслаждался-бы свободой,
И гордой шеи не сгибалъ.

А тамъ, вдали, подъ тѣнью дуба,
Гдѣ мать покоится моя,
Мнѣ тосковать было-бы любо
Подъ шопотъ тихаго ручья.

Передъ гробницей князя М. С. Воронцова.

Спи вѣчнымъ сномъ, скрестивши длани,
Нашъ незабвенный гражданинъ!
Кавказъ молчитъ; утихли брани:
Палъ ницъ предъ нами исполинъ!

«Народовъ ненависть почила!»
Какъ Пушкинъ нѣкогда сказалъ.
Свой Крестъ Россія водрузила
Среди Кавказа дикихъ скалъ.

И все замолкло! Лишь не стихла
Любовь народная къ Тебѣ.
Взгляни: у ногъ Твоихъ приникла
Толпа, дивясь Твоей судьбѣ!

А вотъ, у мраморной гробницы,
Вся въ черномъ, съ тихою мольбой,
Печально опустивъ рѣсницы,
Стоитъ княгиня предъ Тобой!

Ея печаль и наше горе
Слились, сроднилися вполнѣ.
Шумитъ и стонетъ глухо море:
Тоска звучитъ въ его волнѣ!

Въ садахъ Тавриды величавой,
Куда стремится мысль моя,
Царитъ, покрыта вѣчной славой,
Тѣнь свѣтозарная Твоя!

Внемли, великій мужъ, изъ гроба
Словамъ безвѣстнаго пѣвца.
Вѣка пройдутъ; но лесть и злоба
Не тронутъ дивнаго вѣнца.

А — полны искренней хвалою,
У гроба внуки преклонясь,
«Да будетъ», скажутъ, «миръ съ Тобою
«Нашъ незабвенный, честный Князь!»

АРЕСТАНТЫ НА ПРИВАЛѢ.

Грядой несутся облака
По голубой эмали.
Дорога больно далека, —
«Несчастные» устали!

Не вѣетъ жизнью отъ полей,
Кругомъ снѣга, сугробы.
Привалъ. Несется звонъ цѣпей
Да брань жестокой злобы.

Чу!.. говоритъ: «гуляй душа:
«Близка уже неволя!
«Эхъ, жизнь на волѣ хороша, —
«Горька преступныхъ доля!

«Опустятъ милыхъ въ рудники,
«И поминай, какъ звали!...»
Умолкъ. А въ небѣ далеки
По голубой эмали

Бѣжали тучки. Караванъ
Готовился къ походу.
Ударилъ грустно барабанъ,
И пестраго народа

Толпа подвинулась впередъ.
Идите съ Богомъ, люди!
Кто крестъ безропотно несетъ,
Тому прощенье «буди!»

Отъ Нарвы, Волги и Двины,
Отъ Нѣмана и Дона
Стеклись вы, бѣдные сыны,
Преступники закона!

Завоетъ пурга, зареветъ,
Какъ голосъ укоризны.
И счастливъ тотъ, кто тамъ заснетъ
Изгнанникомъ отчизны!

STABAT MATER.

(М. Б. Саморупо).

I.

Близъ Венеціи на волѣ
За волной летитъ волна;
А въ гондолѣ баркароллѣ
Вторитъ звонкая струна.

Все великое когда-то
Въ баркароллѣ отдалось,
Какъ на морѣ, въ часъ заката,
Отражается колосъ.

Вдругъ затихли разомъ звуки,
Лодка — будто на мели.
Гондольеръ, скрестивши руки,
Пѣсню слушаетъ вдали.

Онъ внимаетъ, замирая —
Кто-же пѣсни той творецъ?
«Перголезе», вспоминая,
Шепчетъ тронутый пловецъ.

II.

Онъ создалъ — маэстро-генiй,
Картину страшную Суда,
Когда былъ слышенъ стонъ растенiй,
Валились съ шумомъ города;

Тряслась земля, ревѣли воды,
Лучъ солнца гаснулъ золотой,
Когда кончался Царь природы,
«Христосъ» — Помазанникъ Святой!

Но гдѣ аккордовъ больше сила
Разила слухъ и сердце жгла,
То тамъ, гдѣ Матерь слезы лила
И плакать больше не могла!

Ужасный день!... Вѣка несутся;
А Перголезе-чародѣй
Повелъ смычкомъ — и слезы льются
О «смерти Бога за людей!»

———

III.

Папой призванъ Перголезе
　　«Реквіемъ» писать.
Трудъ великъ: Онъ долженъ слезы
　　Въ звуки облекать.

Долженъ, музыкой чаруя,
　　Музыкой души,
Стоны Матери напомнить
　　У креста въ тиши,

Долженъ слезы Неневѣстной,
　　Муки сердца, боль —
Слить въ гармоніи чудесной,
　　Какъ никто дотоль!

IV.

Зеленый садъ, благоухая,
　　При блескѣ Веспера дремалъ.
Съ трудомъ аккорды извлекая,
Маэстро «Реквіемъ» писалъ.

Онъ изнывалъ; работа длилась,
Тернистымъ будто шла путемъ.
А за стѣной сестра молилась
Надъ умирающимъ дитемъ.

Вдругъ Перголезе скорбный слышитъ
Мучительный, тяжелый стонъ.
Идетъ къ сестрѣ: дитя не дышетъ,
И умилился сердцемъ онъ,

Когда увидѣлъ, что, рыдая,
И вдохновенна, и чиста
Стоитъ красавица младая,
Какъ Дѣва-Матерь у Креста!

До глубины сердечной тронутъ,
Спѣшитъ онъ въ садъ, и вотъ вдали
Аккорды скрипки стонутъ, стонутъ
И вдругъ молитвой потекли!

И чудный «Реквіемъ» доселѣ
Невольно сердце скорбью жметъ,
Когда, во дни Страстной недѣли,
Во храмѣ хоръ его поетъ!

ТИРОЛЬСКІЯ ЭЛЕГІИ.

(Изъ Га̀вличка) *).

I.

Свѣти, мѣсяцъ, сквозь тумана,
Тихо съ высоты.
Ну, скажи: каковъ-то Бриксенъ?
Не стѣсняйся ты!

Не спѣши, остановися!
Не мечтай о снѣ!
Побесѣдовать съ тобою
Дай минутку мнѣ.

Ты по голосу ужь знаешь,
Что чужой здѣсь я.
Я на время, какъ невѣрный,
Школа здѣсь моя!

---

*) Извѣстный чешскій поэтъ Гавличекъ, въ началѣ 1851 г., былъ сосланъ въ крѣпость Бриксенъ за свободу мыслей.

II.

Изъ страны я музыкантовъ; *)
На трубѣ игралъ;
Да трубою вѣнскихъ франтовъ
Я во снѣ пугалъ.

Какъ-то, послѣ дѣлъ тяжелыхъ,
Жаждая поспать,
Они вздумали за мною
Экипажъ послать.

Два часа ужъ ночи было,
Третій наступалъ,
Какъ жандармъ мнѣ у постели
«Добрый день» сказалъ.

За жандармомъ ринулъ смѣло
Полицейскихъ строй,
Въ полной формѣ,
Перевиты животы тесьмой.

«Не пугайтеся, редакторъ,
«Здѣсь злодѣевъ нѣтъ!
«Мы — коммисія и только,
«Вотъ онъ вамъ пакетъ.

---

*) Чехіи.

«Вась цѣлуеть городъ Вѣна,
«Особливо-жъ Бахъ *).
«Знать онъ хочетъ: вамъ не сыро-ль
«Въ этихъ жить стѣнахъ?»

—«Извините, говорю я.
«Что въ рубашкѣ я!» —
На тощакъ — и то со мною
Вѣжливость моя.

Но бульдогъ мой, чортъ проклятый,
Поднялъ шумъ и вой,
По привычкѣ habeas corpus,
Какъ Энглишъ прямой.

Не успѣлъ читавшій кончить
Первый параграфъ,
Какъ онъ бросился и началъ
Лаять: гефъ, гефъ, гафъ!

III.

Въ декабрѣ все это было:
Стужи велики!
Я, въ торжественномъ собраньи,
Натянулъ чулки.

*) Министръ и докторъ.

И тогда прочелъ я только....
Что за кутерьма?
Если знаешь по нѣмецки,
На — прочти сама!

Бахъ, какъ докторъ, увѣряетъ,
Вотъ добрякъ какой,
Что мнѣ воздухъ Чехьи вреденъ,
Нуженъ-де другой!

Что въ Богеміи такъ душно;
Послѣ-жъ многихъ смутъ —
Всюду злыя испаренья,
Словомъ — вредно тутъ!

Что, поэтому, карету
Онъ послалъ за мной,
Что-бъ я могъ, на счетъ казенный,
Укатить больной;

Что жандармамъ поручаетъ
Онъ меня поднять,
Если-бъ я его совѣта
Вздумалъ не принять.

IV.

Крайне глупая привычка
У меня въ одномъ:
Не могу жандармамъ какъ-то
Отказатъ ни въ чемъ!

Торопиться сталъ Дедѐра, *)
Чтобъ, съ разсвѣтомъ дня,
Не задумали-бъ граждане
Проводить меня.

Онъ замѣтилъ мнѣ: «оружье
«Вамъ зачѣмъ въ пути?
«Намъ приказано, и строго,
«Васъ, храня, везти.

«Да къ тому-жъ, пока близъ Праги
«Мы васъ будемъ везть,
«Вы инкогнито храните:
«Могутъ надоѣсть!»

И еще другихъ совѣтовъ
Далъ мнѣ много онъ,
Паціентъ которымъ Баха
Слѣдовать должòнъ.

---

*) Полицейскій чиновникъ.

А порой той ужь давненько
Кони ждали насъ.
Тутъ сказалъ я: «братцы-други,
«Стойте! Вотъ сейчасъ!»

V.

О, луна! Ты женщинъ знаешь, —
Не свѣти-жъ во мглѣ!
Правда-ль, — крестъ онѣ тяжелый
Людямъ на землѣ?

Ты видала слезъ не мало
Въ часъ разлукъ такихъ;
Лучше всякаго поэта
Ты постигла ихъ!

Вкругъ меня рыдали тихо
Три звѣзды моихъ:
Мать, жена и дочь Зденчинка....
О, тяжелый мигъ!

И хотя козакъ я старый,
Посѣдѣлъ въ бояхъ,
Но невольно грудь мнѣ сжало,
Сталъ туманъ въ очахъ.

Я надвинулъ подъбрадку
Крѣпко на глаза,
Чтобъ не видна полицейскимъ
Была бы слеза.

У дверей полиція ждала
Въ формѣ боевой,
Чтобы видъ придать казенный
Грустной сценѣ той!

VI.

Загремѣлъ рожокъ, къ Иглавѣ
Кони понеслись.
Охраняя насъ, жандармы
И себѣ тряслись.

Вижу — церковь подъ горою
Въ сторонѣ стоитъ,
Сквозь дремучій лѣсъ мнѣ тихо
«Ты-ли?» говоритъ.

«Помню, здѣсь тебя крестили;
«Здѣсь родился ты;
«Здѣсь училъ тебя священникъ
«Разбирать листы.

«А потомъ ужь самъ ты правдѣ
«Сталъ учить людей,
«Пролагая путь свободный
«Родинѣ своей!

«Тридцать лѣтъ тебя я знаю.
«Вотъ идутъ года!
«Но, скажи, уро̀ды эти
«Мчатъ тебя куда?»

VII.

Прокатили мы Иглаву;
Но я зналъ о томъ,
Что еще есть Шпильбергъ съ Линцемъ
И Куфштейнъ потомъ.

Такъ, когда Куфштейнъ остался
Въ правой сторонѣ,
Край Альпійскій показался
Какъ то лучше мнѣ.

Плохо ѣхать, какъ незнаешь
Мчатъ тебя куда;
А за то рожки звенятъ ужь...
Гадкая ѣзда!

Всюду смазки, перепряжки,
Всюду что нибудь!
Разомъ смазать было-бъ въ Вѣнѣ
И тогда ужь въ путь!

Телеграфъ — вотъ это чудо!
Всѣмъ давалъ онъ знать,
Чтобъ каминъ для насъ бы грѣла
Всѣхъ полицья-мать!

Не забыть мнѣ Будьевицы:
Тамъ Дедера мой
Нѣсколько вина бутылокъ
Захватилъ съ собой.

Сердце-ль въ немъ заговорило,
Иль онъ думалъ такъ,
Что вино мнѣ Летой будетъ
Чехіи, — чудакъ!

Я мельницкимъ наслаждался
И другое пилъ;
Но мнѣ какъ-то непонятенъ
Вкусъ обѣихъ былъ.

VIII.

Ну, элегію, мой мѣсяцъ,
Прекратимъ пока:
Къ эпопеѣ поскорѣе
Просится рука.

Съ Рейхенгаля до Вайдринга
Переѣздъ — бѣда!
И указомъ не исправишь
Даже никогда.

Выше глупости народа
Скалы по бокамъ;
А внизу трущобы, бездны.
Какъ расходъ войскамъ!

Ночь темна, ...
Мы летимъ стрѣлой.
Вдругъ, какъ крикнетъ мой Дедера:
«Тише! Тише! Стой!»

И, куда! Лишь вѣтеръ злится.
Какъ остановить?
Почтальонъ остался, видно,
Трубку закурить.

Какъ по лѣстницѣ несется
Съ нами экипажъ,
Будто въ пропасти желая
Порѣшить вояжъ.

Боже мой! за то минута
Та мнѣ была — кладъ:
Видѣть трепетъ полицейскихъ
Я былъ очень радъ.

«Бросимъ жребій», говорю я,
«Кто грѣшнѣй изъ насъ,
«Пусть отсюда, изъ кареты,
«Выпрыгнетъ сейчасъ!»

Что-же сталось? Не успѣлъ я
Рѣчи досказать,
Какъ, едва-ль повѣря совѣсть,
Стали всѣ скакать.

Ахъ ты, свѣтъ мой на изнанку!
Вотъ забавный видъ:
Стражи вверхъ лежатъ ногами,
А поэтъ летитъ.

Ахъ ты, Австрія! Ты хочешь
Міромъ управлять;
А съ четверкою не можешь
Даже совладать.

Безъ возжей, безъ почтальона
Такъ порою той
Я, какъ вихорь, опускался
Со скалы крутой.

И чего было бояться
Расшибить мнѣ лобъ?
Гражданинъ вѣдь я австрійскій —
Хуже не было-бъ!

И, о счастье! цѣлъ главою,
Не ворча на міръ,
Шибче русскаго курьера
Прибылъ я въ трактиръ.

Ужинать усѣлся важно
Я, преступникъ злой;
А потомъ ужь появляться
Началъ мой конвой.

Вслѣдъ за тѣмъ уснулъ спокойно
«Вредный гражданинъ!»
А они всю ночьку терли
Спиртомъ ниже спинъ.

Здѣсь окончимъ эпопею.
Правду словъ моихъ
Не отвергнутъ почтальоны
И почтмейстеръ ихъ.

IX.

Этакъ въ Бриксенъ мы прибыли
Счастливо вполнѣ!
Тамъ квитанцію Дедера
Получилъ во мнѣ.

Та квитанція обратно
Послана была;
Я-же здѣсь въ когтяхъ остался
Чернаго Орла.

И досель еще жандармы,
Съ рэковаго дня,
Словно демоны какіе
Берегутъ меня!

* * *

Гляжу я съ тоскою на домъ опустѣлый
И думаю: Боже! Куда все ушло?
На нивѣ росъ колосъ прекрасный и спѣлый,
И вдругъ его бурей въ клочки разнесло.

Не такъ-ли и лѣта порой молодою
Проходятъ игриво, роятся дѣла?...
А тамъ, глядишь — время дохнуло зимою, —
Приблизилась старость, и смерть подошла.

И все, что когда-то такъ жизнью дышало
И было заботой, тяжелымъ трудомъ, —
Развалиной только ничтожною стало,
Какъ этотъ старинный, оплаканный домъ!

Какъ Ангелъ огненнымъ мечомъ,
Такъ я рыдающимъ стихомъ
Вамъ отплачу, мои друзья,
За все, что въ жизни вынесъ я!

. . . .

Чего вы ищете во мнѣ?
Въ моей сердечной глубинѣ
Есть много чувства, но пока
Его гнететъ вражды рука!
Но подождите! Близокъ часъ,
Когда никто, остервенясь,
Не станетъ мнѣній излагать
И состраданій выражать
Къ тому, кто нынче бѣденъ, малъ,
Кто вѣкъ свой юный прорыдалъ
И только съ Вѣрою Святой
Росъ не бездарнымъ сиротой!

. . . .

Я никому не стану льстить;
Но не хочу и злобно мстить —
Затѣмъ, что Мученикъ Христосъ,
Который много перенесъ,
Сказалъ, исполненный любви,
«Враговъ своихъ благослови!»

Суворовъ на Сен-Готардѣ.

Туманъ, и мракъ, и буря злая;
Что шагъ — то смерть со всѣхъ сторонъ.
Вдали вершина снѣговая —
Пріютъ суворовскихъ колоннъ

Герой, покрытый сѣдинами,
Хоть ростомъ малъ — великъ душой,
Паритъ съ отважными орлами —
«Помилуй Богъ, какъ хорошо!»

И безднъ не видя подъ ногами,
Но, внемля гласу Старика,
Полки скользятъ надъ крутизнами
Порою съ помощью штыка.

И онъ полкамъ: «за мною, дѣти,
«Иль умереть, иль побѣдить!
«Вы русскіе! Храбрѣй на свѣтѣ,
«Помилуй Богъ, кто можетъ быть?...»

И знамя храбраго народа,
Какъ путеводная звѣзда,
Вело полки: тряслась природа,
И покорялись города!

Однажды съ цѣпью авангарда,
Не видя бездны подъ собой,
Герой скатился съ Сен-Готарда
И выигралъ отважный бой!

Суворовъ, — то звѣзда родная!
Наполеонъ предъ нимъ поникъ!
То знаменитость мировая, —
«Помилуй Богъ,» какъ онъ великъ!

СОНЪ КАНДІОТА.

Подъ громъ орудій я заснулъ;
Въ огнѣ мнѣ грезился Стамбулъ.
Босфоръ сердито клокоталъ;
Орелъ надъ городомъ леталъ;
Народъ бѣжалъ во всѣ концы,
И съ трескомъ падали дворцы.
Казалося, что Магометъ
Сошелъ взглянуть на минаретъ,
Какъ онъ валился предъ Крестомъ.
Я слышалъ вопли, стонъ, потомъ
Еще страшнѣй изъ подъ земли, —
То стоны Кандіи были!
Стамбулъ какъ львица умиралъ,
Когтями жертву раздиралъ,
И жертвой той была одна
Моя родная сторона!
Я подымалъ свой красный фесъ,
Вздымая руки до небесъ;
Но въ небесахъ и на земли
Меня услышать не могли....
Тутъ голоса прервали сонъ:
«Смотри: горитъ Аркадіонъ!»

ДУМА НЕГРА.

(Импровизація).

«Мутно-жаркими волнами
Льется Нигеръ голубой
Раскаленными степями
Сенегамбіи родной.

Воздухъ душенъ; вѣтеръ, вѣя,
Сушитъ пальму на пути.
Ты, жилище льва да змѣя,
Мнѣ надеждой не свѣти!

Навсегда отъ вѣчно-милой
Я оторванъ стороны.
Край чужой глядитъ могилой,
Радость сердца — это сны!

Вижу я себя ребенкомъ
Между рисовыхъ полей;
То летаю смѣлымъ львенкомъ,
То ползу я, словно змѣй.

Мнѣ отрадно, мнѣ привольно
Вспомнить дѣтскіе года.
Слезы падаютъ невольно:
Все умчалось, какъ вода!

Помню юность дорогую,
Какъ подъ пальмою, въ тиши,
Цаловалъ я огневую
Грудь у дѣвицы-души.

Помню, дѣвы милой танцы
Сердце пламенное жгли;
Но нахлынули испанцы
И блаженство отняли.

Нигеръ! Нигеръ! Вспоминаю,
Вѣчно-радостный, тебя!
Въ кандалахъ благословляю
И умру, душой любя!»

—⟡○⟡—

ИЗГНАННИКЪ.

Въ ди-Корво, монастырь святой,
Вошелъ разъ тихою стопой
Печальный путникъ, весь въ пыли,
Любимецъ неба и земли.

На крестъ онъ грустно посмотрѣлъ,
Вздохнулъ и у порога сѣлъ.
Онъ смуглъ былъ, статенъ и курчавъ
И вдохновенно величавъ!

Къ нему монахи подошли:
«Чего ты ищешь на земли?
«Ты, видно, бѣденъ и гонимъ!»
И онъ въ отвѣтъ спокойно имъ:

—«Ищу покоя я вездѣ!...» —
«И что-жъ нашелъ его?» — «Нигдѣ!» —
—«Пора! Не страшенъ Данту гнетъ!..» —
И путникъ вышелъ изъ воротъ.

ДЖАЧИНТА.

I.

Ночь. Венеція спокойно
Ароматомъ дышетъ.
Гдѣ-то звонъ гитары стройной
Вѣтерокъ колышетъ.

Средь безмолвія ночнаго
Выстрѣлъ раздается.
Вдоль залива голубаго
Гондольеръ несется.

Онъ съ свиданія ночнаго
Трупъ увозитъ брата.
Тише.... болѣе ни слова:
Тайна сномъ объята!

У моста Ріальто чья-то
Тѣнь остановилась;
И, какъ звуки пиччикато,
Чья-то рѣчь полилась:

«Гаснетъ жизнь моя съ лучами,
«Ужь близка могила!
«Подъ холодными волнами
«Я бы жизнь любила!

«Пѣсни вѣрно-бы звучали
«Мнѣ и тамъ родныя,
«Сонъ порою-бы плѣняли
«Грезы золотыя.

«Оборвитесь слезы горя,
«Какъ сухая квинта!
«Разступитесь волны моря —
«Къ вамъ идетъ Джачинта!»

Мигъ еще.... и завтра-бъ волны,
Чуждыя печали,
Трупъ красавицы-сиротки
Тихо-бъ колыхали.

II.

Изъ горъ Далмаціи суровой,
Гонимый нуждою-бѣдой,
Пришелъ работать въ городъ новый
Одинъ художникъ молодой.

Давно ужь геній-Скіавоне
Хотѣлъ Италію узрѣть,
Чтобъ у нея на миломъ лонѣ
Хотя страдальцемъ умереть!

Черезъ Ріальто той порою
Усталый юноша спѣшилъ
И онъ-то сильною рукою
Джачинту вмигъ остановилъ.

«Дитя мое, ты плачешь? Слезы
«Ужели властны надъ тобой?
«Твои ланиты — тѣ же розы,
«Полна ты жизни, ангелъ мой!

«Я вижу, ты бѣднà? Судьбою
«И я заброшенъ, какъ челнокъ.
«Пойдемъ-же, бѣдная, со мною
«Въ мой одинокій уголокъ!

«Я осушу твои ланиты
«Любовью жаркою моей.
«Мы будемъ счастливы и сыты,
«Забывъ печаль минувшихъ дней!»

—«Я вся твоя! Для сына юга
Любовь дороже свѣта, дня.
Ты мнѣ замѣнишь брата, друга
И будешь счастьемъ для меня!» —

III.

Года бѣгутъ.... и незамѣтно
Растетъ художника семья;
Джачинта взглянетъ лишь привѣтно,
И Скіавоне: «счастливъ я!»

«Молитель, дѣти! За грозою
«Всегда день ясный настаетъ.
«Кто созданъ съ мощною душою,
«Тому не страшенъ жизни гнетъ!

«Вотъ я теперь „Благовѣщенье"
«Для храма долженъ написать...
«Недѣли двѣ еще терпѣнья —
«И мы не станемъ горевать!

«Удѣлъ таланта то же, дѣти,
«Что перекатная струя.
«Что дѣлать? Многіе на свѣтѣ
«Артисты терпятъ, какъ и я».

IV.

Оконченъ образъ. Ликъ Пречистой
Глядитъ привѣтно съ полотна,
Исполненъ правды кроткой, чистой,
Какой проникнута Она!

Народъ толпится. Предъ Мадонной
Мольбы и вздохи пролиты.
У ногъ Ея и надъ короной
Висятъ роскошные цвѣты.

Нѣтъ тамъ ни злата, ни ливана,
Но, вмѣстѣ съ данью горькихъ слезъ,
Къ ногамъ Пречистой безпрестанно
Несутъ букеты пышныхъ розъ.

Художникъ ждетъ. Ужь храмъ пустѣетъ,
Толпа расходится, спѣша....
Приличія преградъ не смѣетъ
Нарушить робкая душа.

«Просить за трудъ себѣ награды?...
«Трудъ для художника великъ!
«А будутъ-ли малютки рады,
«Увидя мой печальный ликъ?

«Пойду, скажу: отцы святые,
«Я погибаю въ нищетѣ.
«И вдругъ ефимки золотые
«Блеснутъ какъ звѣзды въ темнотѣ!»

И вотъ онъ смѣлою стопою
Идетъ и Братьи говоритъ.
—«Безумецъ! Видно надъ тобою
Твой геній съ розами паритъ?

Ефимковъ нѣтъ! Одна награда
Вотъ эти пышные цвѣты. —
«Ахъ, нѣтъ! букетовъ мнѣ не надо:
«Они шипами повиты!

«Нѣтъ, лучше взять хотя двѣ розы!...
«Потомъ?... Потомъ спѣшить домой.
«На мигъ, быть можетъ, стихнутъ слезы
«Моей Джачинты дорогой!...»

V.

Шагъ на порогъ, — семья, рыдая,
Встрѣчаетъ скорбнаго отца:
Джачинта гаснетъ молодая,
Какъ пѣснь далекая пловца.

Ужь надъ могилою сырою,
Склонивъ какъ лилія чело,
Въ послѣдній разъ блестя красою,
Она стрѣчаетъ въ жизни зло.

Блуждаютъ очи голубыя,
Какъ лучъ послѣдній на стеклѣ,
И льются рѣчи дорогія,
Звуча «прости» родной землѣ!

«Такъ это розами богато
«Тебѣ воздали за труды?
«Помолимся, мой другъ, когда-то
«Взойдутъ желанные плоды!»

И вдругъ восьми малютокъ руки
Поднялися къ Творцу земли.

. . . .

. . . .

«Теперь садитеся», — больная
Едва промолвила жена,
И, лепестки отъ розъ срывая,
Подносъ наполнила она.

«Послѣдній ужинъ! Завтра рано
«Проснетесь вы, а ваша мать,
«Какъ свѣточъ гаснувъ безпрестанно,
«Не станетъ болѣе страдать!

«Прощайте, дѣти! Скіавоне!
«Я уношу любовь съ собой....
«Иди, рыдай на нѣжномъ лонѣ
«Твоей... Джачинты... дорогой!...»

ГАНСЪ САКСЪ.

(Отрывокъ.)

Весна. Привольно Рейнъ катитъ
Свои серебряныя волны.
Усталый путникъ не спѣшитъ:
Какой-то новой силы полный,
Онъ вдаль безропотно идетъ,
Куда судьба его ведетъ.

Слѣды развалинъ вѣковыхъ
Въ немъ пробуждаютъ силу чувства;
Съ любовью смотритъ онъ на нихъ
И вдохновенно, безъ искусства,
Поетъ о славѣ прошлыхъ дней
Родной Германіи своей.

Гансъ лавры многіе стяжалъ.
Вездѣ ему рукоплескали.
Башмачникъ тамъ вездѣ пѣвалъ,
Гдѣ мейстерзингеры пѣвали...
Но что-жь, хвалами упоенъ,
Въ чужбинѣ счастливъ не былъ онъ!

Его на родину влекло,
Хоть тяжело подчасъ было,
Когда отца онъ вспоминалъ,
Какъ тотъ искусства проклиналъ.

Но какъ-бы не была грустна
Пѣвцу родная сторона,
Онъ безотчетно преданъ ей,
Какъ нѣжной матери своей!

Чужое небо веселитъ,
Но мысль о родинѣ томитъ.
«Пускай туманы тамъ, снѣга,
«А здѣсь зеленые луга —

«Мила мнѣ родина моя
«Затѣмъ, что тамъ родился я!»

. . . .

——⋄○⋄——

КАПЛЯ.

Капля падаетъ, звеня,
    Вдоль листка сбѣгая.
Милый другъ! пойми меня,
    Что за грусть такая?

Слышу звонъ твоихъ рѣчей,
    Отъ восторга таю,
Надъ голубкою моей
    Мыслями летаю.

Капля падаетъ, звеня....
    Скоро-ли за нею
Въ гробъ опустятъ и меня
    Съ грустiю моею?

КЪ МАТЕРИ.

Я не слыхалъ нѣжнѣе звука:
Звукъ этотъ дивный — слово «мать».
Его такъ трудно передать,
Какъ потерять родную мука!

О, какъ тотъ счастливъ, что любилъ,
Кого ласкала мать когда-то,
Какъ, вѣрно, чувство это свято
Въ своей душѣ онъ сохранилъ!

Я-жъ съ дѣтскихъ лѣтъ узналъ невзгоды,
Я росъ отъ общества вдали;
Мои младенческіе годы
Струею мутной протекли!

Прошли года. Пора иная, —
Иное горе подошло....
А счастья нѣтъ: оно, родная,
Въ могилу, знать, съ тобой ушло!

Тяжелый крестъ! Блестя красою,
Ты закатилась какъ звѣзда;
Но слезы сына надъ тобою
Росою падаютъ всегда!

ГОФЪ-МАЛЕРЪ МАТВѢЕВЪ.

Соборный колоколъ Софіи
Зоветъ весь Новгородъ во храмъ.
Тамъ Петръ, великій царь Россіи,
Мольбы возноситъ къ небесамъ.

Лучи ложатся бахрамою
На шитый золотомъ кафтанъ...
Благоговѣйно межъ толпою,
Въ числѣ усердныхъ прихожанъ,

Стоитъ мальчуга у окошка
И что-то въ шапкѣ все чертитъ.
Какъ золотистая дорожка,
По немъ лучъ солнечный бѣжитъ.

Замѣтилъ Царь. Орлиннымъ окомъ
Онъ вдаль глубоко проникалъ
И, въ созерцаніи глубокомъ,
Вездѣ онъ перлы добывалъ!

Ужь многолѣтіе отпѣли, —
Толпа сторонится, спѣша.
У входа трубы загремѣли,
И деньщики, едва дыша,

Бѣгутъ впередъ; но Царь тихонько
Вдругъ къ мальчугану подошелъ
И по плечу его легонько
Рукою царскою провелъ.

«Что ты строчишь?» — «Царя рисую,
Чтобъ на груди его носить,
Чтобъ съ нимъ и юность золотую,
И старость тихую прожить.

Чтобъ умереть, когда прійдется,
Съ царевымъ ликомъ на груди,
И проклятъ тотъ, кто посмѣется
Моимъ надеждамъ впереди!» —

Подъ вечеръ колоколъ Софіи
Опять по прежде му гудѣлъ;
А мальчикъ съ пращуромъ Россіи
Въ столицу новую летѣлъ!

МИРАЖЪ.

Близъ пальмы зеленой
Ручей протекалъ.
Къ нему запыленный
Ѣздокъ прискакалъ.

О стремя съ нимъ рядомъ
Опершись ногой,
Отличенъ нарядомъ,
Сидѣлъ и другой.

Подъ бѣлой фатою
Сверкали глаза.
Склонясь надъ лукою,
Гибка какъ лоза,

Красавица дѣва
Съ улыбкой глядитъ,
Какъ справа и слѣва
Пустыня бѣжитъ.

«Мой милый! скорѣе:
«Я вижу, вдали
«Къ намъ, по морю рѣя,
«Плывутъ корабли.

«Шумя парусами,
    «Идутъ безъ слѣда.
«Вѣдь то подъ лучами
    «Синѣетъ вода?»

—«О, нѣтъ, моя крошка,
    Отвѣтствуетъ стражъ, —
Вонъ наша дорожка,
    А это миражъ!

За цѣлыя мили,
    Быть можетъ, вдали
Подъ облакомъ пыли
    Идутъ корабли.

Верблюды, голубка,
    Кораблики тѣ...» —
«Вонъ парусъ, вонъ шлюбка,
    «Вонъ лучъ на крестѣ!

«Вонъ, люди толпою
    «Ко храму идутъ,
«Голубку съ тобою,
    «Мой милый, ведутъ».

—«О, нѣтъ, моя крошка,
    Отвѣтствуетъ стражъ, —
Вонъ наша дорожка,
    А это миражъ!

Подъ солнца лучами
Все къ низу лежитъ....
Въ дорогу: за нами
Погоня бѣжитъ!» —

---

* * *

Я вынесъ все: измѣну милой
И брань усердную друзей,
И слезы, слезы надъ могилой
Несчастной матери моей!

Теперь стою у перепутья
И жду я новаго креста;
Но не могу легко вздохнуть я —
Мнѣ скорбь ложится на уста.

Все, будто, все оледенѣло
Въ моей тоскующей груди;
И слово правды занѣмѣло,
И замеръ свѣточъ впереди.

Но я живу; мнѣ обороной,
Для смятой бурею души —
Одна молитва предъ иконой
Въ нѣмой и сладостной тиши!

---

* * *

Лучше-бъ ты въ гробу лежала,
Милая моя:
Дни и ночи надъ тобою
Все рыдалъ-бы я!

Цѣловалъ-бы твои очи,
Очи безъ огня,
Что съ любовію смотрѣли
Прежде на меня.

А теперь, вотъ, измѣнила,
Посмѣялась ты;
Погубила, отравила
Лучшія мечты!

Гдѣ-же ласки, поцѣлуи,
Слезы нѣжныхъ глазъ,
Что бывало проливала
Ты, любя, не разъ?

Больно! наглой куртизанкой
Стала ты, и вдругъ
И униженъ, и обиженъ
Твой печальный другъ!

Впрочемъ, счастія напрасно
Ждалъ и прежде я....
Лучше-бъ ты въ гробу лежала,
Милая моя!

УМИРАЮЩІЙ.

Къ колѣнямъ женщины любимой
Печально голову склоня,
Онъ говорилъ неумолимой·
—Пойми, красавица, меня!

Взгляни: веселою весною
Привѣтно тянетъ отъ полей...
Зачѣмъ-же я своей тоскою
Не разбужу души твоей?

Пойми меня, подай мнѣ руку.
Въ твоихъ божественныхъ очахъ
Хотя-бъ слезинка на разлуку
Блеснула мнѣ . . . .

Не презирай, я, умирая,
Молиться стану за тебя,
Пускай я маялся, страдая,
За то окончу дни, любя!

А ты преклонишь-ли колѣни
Передъ могилою моей,
Или съ толпою свѣтской черни
Зло расхохочешься надъ ней?

—«Чудакъ, ты скажешь: жилъ онъ мною,
Слѣды мои онъ цѣловалъ,
Дышалъ улыбкою одною
И безнадежно тосковалъ.

Любилъ меня, — а я коварно
Его лелѣяла, шутя.
Я женщиной неблагодарной
Прошла тернистый путь, дитя!

Ты довѣрялъ напрасно взглядамъ:
Душа безжалостна моя.
Тебя, бѣдняжка, жгучимъ ядомъ
Поила милая твоя.

Ты вѣрилъ ей. Ея мечтами
Ты рай грядущій рисовалъ.
Довольно: дѣтскими слезами
Ты смѣхъ невольно вызывалъ!

. . . .

Я не люблю тебя! Напрасно
Меня святыней не зови:
Ищу я злата ежечасно,
Продажной вѣрю я любви!» —

ЛѢШІЙ.

Морозное утро и вѣтеръ холодный...
Чу! Лѣшій гогочетъ и стонетъ въ лѣсу:
«Иди, мужичонко, иди-ка, безродный,
«Тебя я далече отсель унесу.

«Куда пожелаешь: на Бѣлое-ль море,
«Обыльное рыбой, мохнатымъ звѣрьемъ...
«Въ томъ морѣ затопимъ мы тяжкое горе,
«Простимся на вѣки съ немилымъ житьемъ!

«Куда пожелаешь: за быстрыя-ль рѣки,
«За дальнія степи, въ чужія края?»...
—Спасибо тѣ, лѣшій: отнынѣ на вѣки,
Какъ люди, душею свободенъ и я.

Не надобны крылья, — была-бы охота,
А поле — раздолье открыто вокругъ.
Запашка — игрушка, не страшна работа:
Себѣ я хозяинъ, себѣ я и другъ!

Помолишься Богу.... — Тутъ, словно рукою,
Швырнуло Антипку къ трущобѣ лѣсной.
Озлился онъ пуще и съ бурею злою
Мятелью поднялся разгульно-шальной.

Качаются дубы столѣтніе тихо,
Сгибаются ели до самой земли;
А вѣтеръ, что лѣшій, привольно и лихо
То здѣсь завываетъ, то стонетъ вдали.
. . . .

Но катится солнце все выше и выше;
На бѣлыхъ равнинахъ сверкаютъ лучи;
И вѣтеръ качаетъ деревьями тише;
И колоколъ грянулъ... ну, лѣшій, молчи!

—⋄○⋄—

ЗВУКИ.

Музыка эта на душу ложится легче,
Нежели усталыя вѣки на усталыя глаза.

Теннисонъ.

Гремятъ, несутся стройно звуки,
Больному сердцу говоря:
«Оставь, забудь печаль и муки —
Проглянетъ счастія заря!

Внимай, въ гармонію сливая
Всѣ чувства нѣжныя свои,
И жизнь откликнется другая
На слезы тихія твои!

Люби людей, люби какъ братій,
Ихъ злобѣ дикой не мѣшай.
За гулъ насмѣшекъ и проклятій
Не мсти и зломъ не воздавай!

Терпи, къ мольбѣ поднявши руки,
Не проливай на раны ядъ.
Прійдетъ пора — утихнутъ муки,
То слезы къ небу долетятъ!»

МЕСТЬ.

Черезъ рѣченьку Обь широкую
Стругъ лѣтитъ стрѣлой съ арестантами.
Льду куски горятъ въ ночь глубокую
Изумрудами, брилліантами.

На стругѣ волной разливается
Слово крѣпкое, ядовитое, —
То за прошлое распинается
Сердце смятое и убитое.

Говорила такъ Катя бѣдная:
«Ты, Сергѣй, змѣя подколодная!..
«Зазвучитъ по мнѣ не мѣдь мѣдная,
«А волна рѣки, да холодная.

«Не съ тобою-ль мы ночи длинныя,
«Словно голуби, миловалися?
«Твои оченьки соколиныя
«Не въ моихъ-ли-то отражалися?

«Не бывать другой твоей милою!
«Мужъ убитъ: грѣхомъ я покрылася...»
И съ желѣзною, страшной силою
Катя съ Сонею тутъ сцѣпилися.

Покачнулися, пошатнулися,
Словно вѣточки подогнившія,
И волною вдругъ захлебнулися
И любимая, и любившая.

Такъ покончила Катя бѣдная:
Былъ великъ позоръ жизнь колодная;
И не мѣдь звучитъ по ней мѣдная,
А рѣка шумитъ многоводная!...

* * *

Разцвѣтаютъ вò-полѣ
Пышные цвѣты,
Зеленѣютъ тополи....
Сердце! что-же ты?

Вскрылась быстра рѣченька;
Веселъ бѣгъ волны....
У мово сердеченька
Крылья порваны!

РОГНѢДА.

Громадныя тучи по небу плывутъ,
И Днѣпръ, свирѣпѣя, волнами клокочетъ.
И молніи въ небѣ, сверкая, бѣгутъ,
И громъ въ перекатахъ, какъ будто хохочетъ.

Владиміръ смущенный съ постели встаетъ
И къ грозному небу онъ взоры возводитъ:
«Ужели Перунъ мнѣ погибель даетъ?»
И грустная дума на князя находитъ.

Вдругъ свѣтъ необычный покои объялъ,
Какъ будто дружина пируетъ побѣду.
Владиміръ тревожно глаза приподнялъ
И видитъ кого-же? о ужасъ, Рогнѣду!

Красавица дѣва, съ свѣтильней въ рукахъ,
Кинжаломъ внезапно его поражаетъ.
На князя находитъ невѣдомый страхъ;
Но смѣлой рукой онъ кинжалъ отражаетъ.

На князя проклятья потокомъ текутъ:
«Тебя-ли, измѣнникъ, Рогнѣда не любитъ?
«Иль мало цѣлуетъ, иль плохо голубитъ,
«Что князю наложницъ продажныхъ ведутъ?

Владиміръ смущенный клянется предъ ней,
—«Что лживы навѣты.... и есть-ли причина
Рвать душу тоскою?...» — но тутъ у дверей
Безмолвно явилась лихая дружина.

Свѣтильня погасла; Рогнѣду берутъ;
На князя Рогнѣда вновь кинуться хочетъ...
А молніи въ небѣ, сверкая, бѣгутъ,
И громъ въ перекатахъ, какъ будто хохочетъ.

* * *

Въ мотокъ моей жизни, измятой судьбою,
Запутана нитка была золотая.
Она такъ плѣняла страдальца собою,
Какъ милой улыбка, какъ дума святая.

Любовь то вплетала... Теперь же надеждѣ
«Прости» говорю я, тревожно тоскуя;
И только порою завѣтное *прежде*
Звучитъ мнѣ отравой *ея* поцѣлуя.

И высказать трудно то счастье былое, —
Оно рисовалось такими мечтами;
Въ немъ слышалось пѣнье на небѣ святое
И кончилось тихо, какъ горе, слезами.

ПѢСНЯ.

Какъ у ивы у зеленой
  Корни вымыты водой.
Какъ у матушки родимой
  Отнятъ парень молодой.

Нагибаются, чтò руки,
  Вѣтки ивы до земли.
У родимой, чтò отъ сердца,
  Сына-радость отняли!

Зашумѣла тихо ива
  Передъ утренней зарей.
Зарыдала мать больная:
  «Гдѣ ты, соколъ дорогой?»

Плещутъ уточки рѣчныя,
  Тихо крыльями звеня.
Ломитъ руки сиротина:
  «Взяли сына у меня!»

«Графу чтó-ли полюбился, —
  Лихо ѣздилъ на конѣ;
А родимой осталися
  Слезы горкія однѣ!»

Ива - ивушка кручину
    Горемычной поняла
И могилу подъ корнями
    Бѣдной матери дала.

---

* * *

Помнишь-ли, сердце мое надривалося
    Передъ кручиной-бѣдой?
Бѣдная женщина! Что съ тобой сталося,—
    Гдѣ-же твой вѣкъ молодой?

Съ недругомъ связаны рученьки бѣлыя, —
    Ты такъ желала сама....
Ну и казнись теперь годы ужь цѣлые,
    И не приложишь ума,

Какъ бы кручинушку сердца тяжелую
    Сбросить скорѣе долой...
Чѣмъ замѣнила ты юность веселую?
    Грязной, дождливою мглой!

Что-же сулитъ тебѣ жизнь горемычная?
    Лишь отъ вѣнца и — раздоръ....
Слезы, несчастная, слезы обычныя,
    Гнетъ и нужду, и позоръ!

---

* * *

Мое сердце болитъ и дрожитъ,
Его мучатъ тяжелыя грезы, —
И не ядъ съ него жгучій бѣжитъ,
А кровавыя капаютъ слезы.
Тишь и поле кругомъ,
Снѣгъ блеститъ серебромъ
Подъ холодной, но яркой луною;
А въ душѣ моей мгла:
Въ ней тоска залегла
И не хочетъ разстаться со мною.

НЕСЕНІЕ КРЕСТА.

Толпы колышатся, кричатъ:
«Распни, распни Его, Пилатъ!»
А Онъ, какъ небо недвижимъ,
Въ глаза спокойно смотритъ имъ.

— За что-жъ, за что Его распять? —
Имъ говоритъ Пилатъ опять.
— За то-ль, что правдѣ учитъ Онъ? —
«Распни!» гремитъ со всѣхъ сторонъ.

И вотъ на рамена Христа
Ложится тяжесть вся креста,
И на Голгоѳу прямо Онъ
Идетъ, врагами осужденъ.

Замѣтны слезы на очахъ,
И слезы съ кровью; а въ рѣчахъ
Онъ также кротокъ, чистъ и святъ,
Какъ часъ одинъ тому назадъ.

Вотъ правды мученикъ и Богъ, —
Себя принесъ добру въ залогъ;
И что-же? истина Христа
Объятья встрѣтила креста!

А люди, люди? О, позоръ!
Они, какъ снѣгъ ливанскихъ горъ,
Вѣка влачить обречены
Безъ жизни духа — холодны!

ПЛАЧЪ ІЕРЕМІИ.

Исшедъ изъ темницы, пророкъ Еремія
Сидѣлъ у Кедрона и горько рыдалъ,
И волосы тихо страдальца сѣдые
Зефиръ мимолетный порой колыхалъ.

Зловещее эхо, рыданью внимая,
Гремѣло въ пустынѣ, гдѣ градъ процвѣталъ;
Гдѣ такъ красовалась обитель святая,
А нынѣ лишь ангелъ тамъ смерти леталъ.

Гдѣ въ пышныхъ нарядахъ цари·Іудеи,
Забывъ о Еговѣ, пирами жили;
Гдѣ прежде богатствомъ блистали евреи,
Тамъ трупы валялись въ крови и пыли.

Гдѣ Богу Живому тимпаны гремѣли;
Гдѣ въ славѣ сіяли Давидъ, Соломонъ —
Тамъ только обломки отъ роскоши тлѣли,
И тихо катился священный Кедронъ!

Но пѣсня пророка гремѣла яснѣе,
Когда онъ на небо глаза возводилъ,
И слезы печали лилися сильнѣе,
Когда онъ такія слова говорилъ:

«Потускнуло злато — металлъ этотъ чудный,
«Въ огнѣ почернѣло вездѣ серебро.
«Пустынею городъ ужь сталъ многолюдный,
«И данникомъ царь, потерявшій добро!

«Въ печали рыдаютъ дороги Сіона:
«Тамъ нѣтъ уже *болѣ ходящихъ по нимъ.*
«Разрушены стѣны на брегѣ Кедрона;
«Народъ весь поруганъ, врагами гонимъ.

«О, гдѣ-же вы, дѣвы — краса полусвѣта?
«Въ стѣнахъ Вавилона рыдаютъ онѣ.
«На слезы печали имъ нѣту привѣта;
«Ихъ прелести тряпки скрываютъ однѣ.

«А матери? Боже! а жены младыя?
«Напрасно имъ — хлѣба! — младенцы кричатъ. —
«Отъ горести рвутся ихъ души живыя,
«И вопли страданья на небо летятъ.

«Но голодъ не терпитъ! И тѣ, что рыдали,
«Дѣтямъ отдавая всѣ чувства свои,
«Въ безумствѣ какомъ то дѣтей пожирали
«И жадно лизали ихъ крови струи.

«О, Боже мой! Боже!» вопитъ Еремія:
«Нѣтъ,—вмѣсто-бы глада — вамъ смерть отъ меча!..»
И падаютъ слезы на руки сухія,
Что честно страдали, оковы влача.

Но вотъ поднялася луна отъ востока,
Равнину и камни вдали золотя,
И сердце проснулось въ груди у пророка,
Какъ будто бы въ люлькѣ проснулось дитя.

И полныя Вѣры, какъ дѣтскія чувства,
Надежды молитвы къ Творцу понеслись;
И долго тѣ пѣсни тепло, безъ искусства,
Изъ устъ Ереміи лились и лились.

МОЛИТВА.

Подъ Твою милость, съ теплой мольбою,
Мы прибѣгаемъ къ Тебѣ.
Будь намъ Заступницей Чистой, Святою
Въ тяжкой житейской борьбѣ!

Пусть идутъ мимо злыя напасти, —
Духъ Ты терпѣнья въ насъ воскреси.
Да не смутятъ насъ жгучія страсти;
Но Ты молящихся, Дѣва, спаси!....

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ГЁТЕ.

(ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ).

ЛИЦА

Гёте, знаменитый поэтъ.	*Миньона.*
Графиня Штольбергъ.	*Идіотъ* — старикъ.
Неизвѣстный.	*Слуги.*

Дѣйствіе происходитъ въ Баденѣ въ 1780 г.

Темная аллея. Въ замкѣ слышатся звуки веселой музыки. Балъ.

Сцена I.

Гёте и **Гр. Штольбергъ** (Идутъ объ руку)

Гр. Штольбергъ.

Да, я замѣтила и кстати,
Поэтъ любезнѣйшій, хочу
Спросить: съ какой вы благодати
Лелѣять эту саранчу —
Миньону гадкую рѣшились?
Я стало болѣ не нужна?
Зачѣмъ не я? Зачѣмъ она?
Ей въ похвалу стихи полились....
Не ждала я!...

Гёте.

Напрасны жалобы! Люблю
Я васъ, графиня, также нѣжно....

Гр Штольбергъ.

Вѣрнѣе — «страстно и мятежно».
А я васъ просто не терплю!
Да, вы безбожно поразили

Мою истерзанную грудь.
Вы жгучій ядъ какой-то влили, —
Мнѣ тяжело, нѣтъ силъ дохнуть!
Я слышу жало здѣсь другое.
Поймите: ревность говоритъ.
Отнять все женщинѣ святое,
Узнать, какъ сердце въ ней горитъ,
И послѣ бросить! нѣтъ, позорно;
Не ждала я. Подите прочь!
Вы отплатили слишкомъ черно,
Вашъ идеалъ — воришки дочь!

Гёте.

Вы слишкомъ злы! Но я едва-ли
На счотъ свой колкости пріиму.

Гр. Штольбергъ.

О, Гёте! Если-бы вы знали,
Какъ больно сердцу и уму
Увидѣть горькую измѣну?
Или вамъ нуженъ женскій плачъ?
Ну, что-жъ? Скорѣй пишите сцену:
Я буду жертва — вы палачъ!

(Поспѣшно уходитъ).

Сцена II.

Гёте *(Входитъ въ павильонъ).*

Тоска, тоска! Какое горе
Сжимаетъ больно грудь мою?
Во снѣ я видѣлъ будто въ морѣ
Разбило бурею ладью.
На той ладьѣ сидѣло двое,
То были призраки, мечты:
Одно — блаженство прожитое,
Другое — ты, Миньона, ты!
. . . .
Я разлюбилъ мою графиню:
Она ревнива, пошло-зла.
Теперь люблю тебя — святыню,
Ты будешь вѣчно мнѣ мила!
О, не кидай меня! На вѣки
Я отдаюсь тебѣ душой.
Пока въ моря катятся рѣки,
Я вѣчно твой, Миньона, твой!
Твой дивный образъ, мнѣ незримый,
Въ мечтахъ я часто рисовалъ,
И призракъ, искренно любимый,
«Звѣздою тихой» называлъ.
Недавно въ небѣ бирюзовомъ,

Во всемъ величьи красоты,
Прошла графиня въ блескѣ новомъ,
И умерла, Миньона, ты!
Увлекся я! Твой образъ чистый
Не рисовался больше мнѣ;
Но метеора хвостъ огнистый
Исчезнулъ вскорѣ въ глубинѣ
Небесъ далекихъ... о, Миньона!..

(Задумывается).

Сцена III.

Гёте и **Миньона** *(вся въ бѣломъ, больная; входитъ поддерживаемая* **Идіотомъ***).*

Гёте.

Что вижу я? Мой бѣдный другъ
Съ небесъ сошелъ ко мнѣ незримо.
Какое счастье: Херувима
Я вижу здѣсь!

Миньона.

Въ послѣдній разъ, сходя въ могилу,
Къ тебѣ пришла съ привѣтомъ я.
Недугъ у тѣла отнялъ силу,
Но жизнь-душа со мной моя!

Мнѣ жить не долго остается:
Я гасну, вяну день отъ дня.
Пускай надменная смѣется;
А ты, ты любишь-ли меня?
Но, Боже! Что я? Что со мною?
Зачѣмъ мнѣ знать любима-ль я?
Я счастлива! Я всей душою
Люблю открыто, не тая!
Не видя смерти предъ очами,
Я не рѣшилась-бы сказать;
Не облегчивъ груди слезами,
Мнѣ было-бъ тяжко умирать!
Теперь, сказавъ тебѣ открыто,
Какъ чисто, пламенно люблю,
Былое горе позабыто,
Я объ одномъ Творца молю:
«Да дастъ душѣ твоей онъ чистой
«Тернистый путь безъ слезъ пройти.»
Пора! Ужь мѣсяцъ серебристый
Взошелъ на небо. Другъ, прости!

Гёте.

Миньона, милая! Мгновенье
Дай мнѣ одно пожить съ тобой!

Идіотъ.

Тра... та... вотъ свѣта представленье?
Ухъ, закипитъ кровавый бой!

Миньона *(Къ идіоту)*

Веди меня, мой другъ несчастный,
Съ тобою вмѣстѣ мы уснемъ.
Настанетъ день когда-то ясный —
О насъ онъ вспомнитъ, мы о немъ
Но это тамъ, въ эѳирѣ неба,
А здѣсь не вижу счастья я.

Идіотъ.

Да, да... вчера просилъ я хлѣба,
А поваръ этакъ въ три шея!

Миньона.

Пойдемъ, мой бѣдный!

Гёте.

Стой, Миньона!
Я недостоинъ слезъ твоихъ.
Тебѣ вѣнецъ, тебѣ корона
Въ Семьѣ назначена святыхъ!

(Становится на колѣни).

Люби меня! За гробомъ даже
Я вѣчно твой, Миньона, твой!
Я вѣрю, *тамъ* ты будешь та же,
Какъ въ день свиданія; — но стой!
Теперь послѣднее прощанье.
Сердись, упрямься, негодуй —

Пора исполнить обѣщанье:
До сладкой встрѣчи — поцѣлуй!

Миньона *(слабо защищаясь).*

Ахъ, поздно, Гёте!...

Сцена IV.

Тѣ-же и Гр. Штольбергъ.

Брависсимо! Поэтъ смиренный,
Прошу покорно отвѣчать:
Что значатъ взоръ вашъ вдохновенный
И поцѣлуй -- любви печать?
Не просьба-ли къ больной Миньонѣ
О васъ молиться въ небесахъ?...
Довольно! Долго на балконѣ
Я простояла на часахъ,
Глядя куда пойдетъ Миньона,
Вашъ этотъ ангелъ не земной!
Обманъ — плохая оборона,
Смѣяться трудно надо мной!

Гёте.

Я васъ любилъ, графиня, тоже;
Но вѣдь Миньона — божество!
(Миньона падаетъ на руки къ Идіоту).

Что вижу я?.. Великій Боже!

Гр Штольбергъ.

Смерть для Миньоны — торжество
Она святыня!

(Смѣется).

Миньона.

Умираю!
Простите, добрые друзья.
Я всѣхъ васъ, всѣхъ благословляю;
Но отчего не въ силахъ я
Тамъ умереть, въ странѣ родимой,
Гдѣ мать моя погребена?
Надъ Адріатикой любимой
Вонъ мнѣ Венеція видна!
Я слышу звонъ святаго Марка....
Италія!... Пожаръ! Пожаръ!
Уйдите: съ трескомъ пала арка,
Все разлетѣлося какъ паръ!
Нѣтъ, нѣтъ!.. Вонъ, снова вижу тѣни.
«Сперати» мать мою зовутъ.
О, Гёте! Штольбергъ! на колѣни:
За мною Ангелы идутъ!

Идіотъ *(Приходитъ въ себя).*

Пожаръ!.. Венеція!.. Сперати!..
Миньона — дочь моя! Взгляни!
Больной отецъ твоихъ объятій

Не ждалъ, не ждалъ! Какіе дни!
Ты умираешь; надъ тобою
Вновь воскресаетъ твой отецъ.
За что гонимы мы судьбою?
За что несемъ такой вѣнецъ?
Не умирай, моя родная!
Ты жить и жить еще должна!
Ты божество! Ты Ангелъ рая!
Смотрите, люди, вотъ она
Моя Миньона!

(Рыдаетъ).

Миньона.

Отецъ! Какъ сладко это слово,
Теперь тебя я узнаю,
Оно звучитъ мнѣ какъ-то ново
И душу радуетъ мою.

Идіотъ *(радостно).*

Миньона дочь! О, правый Боже!

Миньона *(съ трудомъ)*

Прости, отецъ!.. Благослови!
Уже готово смерти ложе.
Во имя Правды и Любви
Иду на небо!...

(Умираетъ; Идіотъ падаетъ на трупъ ея).

Гёте *(становится на колѣни)*.

Скончалась! Ангелъ благодатный
Къ Творцу вселенной перешелъ:
Восторгъ на ликѣ непонятный,
Вокругъ сіяетъ ореолъ!
Какъ хороша! Какъ дивно-чиста!
Она святыня — благодать!
Здѣсь, надъ Миньоной, атеиста
Заставить можно-бы рыдать!
Скончалась, голубь непорочный,
Я прахъ цѣлую жадно твой.
(Цѣлуетъ и встаетъ).
Веди меня, Господь Всемощный,
Куда нибудь!..

Гр. Штольбергъ *(смѣло)*.

Теперь ты мой!

Гёте,

Оставь меня! Больную рану
Не растравляй, молю тебя!

Сцена V.

Тѣ же и Неизвѣстный *(быстро входя)*.

Примѣрно, на пути я стану.
Мадамъ! Вы губите себя.

Гёте.

Прочь, негодяй! Зачѣмъ ты снова
Рѣшился замокъ посѣтить?

Неизвѣстный.

Синьоръ! Позвольте—два-три слова,
Хочу я тайну вамъ открыть.

Гр. Штольбергъ.

А!... Тайну! Знаю, знаю, знаю!

Гёте.

Скорѣй, прошу, не мучь ее.

Неизвѣстный.

Примѣрно, тотчасъ откатаю
Я предисловіе свое.
Родной мой братъ любилъ, примѣрно,
Вотъ эту, значитъ, госпожу.
Она съ нимъ скверно, очень скверно
Сыграла драму. Не скажу,
Какъ это было. Братъ скончался;
Но я жестоко отомстилъ:
Поджегъ ихъ домъ; а самъ убрался
Съ малюткой Миной и бродилъ,
Прося, воруя и, не скрою,
Спокойно рѣзалъ иногда;
Но, признаюся, съ госпожею

Не ждалъ я встрѣчи никогда.
Она такая-же графиня,
Какъ я китайскій богдыханъ...
Да, посмотрѣть: кругомъ богиня,
А сердце чортовъ чемоданъ!

(Смѣется).

Гёте.

Довольно, братъ! Что слышу? Боже!
За что-же ты меня каралъ?...

Штольбергъ.

Не вѣрь, не вѣрь китайской рожѣ.
Онъ не пѣтухъ и не капралъ!
Убилъ меня... о, люди, люди!
За что блаженство онъ отнялъ?
Взгляните: уголь подлѣ груди;
Онъ до костей меня пронялъ!
Я вся горю! Змѣя, поймите:
Змѣя коварная — злодѣй!

(Душитъ Неизвѣст.)

Онъ душитъ, душитъ! Нѣтъ, возьмите —
Я не хочу пугать людей!
А ты, голубчикъ ненаглядный,
Иди подъ старое крыло;
А то отниметъ коршунъ жадный
Все то, что дорого было...
Иди, насъ двое! Одиноко

Змѣя забралася въ кусты.
Всажу я въ сердце ножъ глубоко;
Но только ты... коварный ты!

(Задумывается).

Пусти меня! Вдали я вижу
Сестру и мать... благословляй!
Люблю тебя и ненавижу
Змѣю — капрала.... умирай!

(Бросается снова на Неизвѣстнаго).

Гёте.

Эй, люди! Кто тамъ? Помогите
Больную женщину увесть!

Сцена VI.

Тѣ-же и слуги.

Штольбергъ.

Добро, голубчики, идите:
Со мной кинжалъ и сердце есть!

Гёте *(къ слугамъ).*

Возьмите бережно.

Штольбергъ.

И нѣжно,
Какъ онъ красавицу любилъ;

А жертву старую небрежно
Гнилою грязью облѣпилъ..

(Смѣется).

Уйдите прочь! Моя родная
Сжимаетъ голову мою.
О ты, Италія святая,
Зачѣмъ не тамъ я, не въ раю?
А здѣсь, гдѣ люди тѣ же звѣри;
Гдѣ сумасшедшихъ цѣлый строй.
О, Гёте, дай по крайней мѣрѣ
Поплакать сладко надъ сестрой!

(Подходитъ къ трупу Миньоны).

Прощай!.. Какъ жаль, что мы столкнулись
На перекладинѣ ручья.
Зачѣмъ уста твои сомкнулись?
А какъ-бы радостно и я
Сдавила горлышко Миньоны,
Сказала-бъ: пой, голубка, пой!
Пришла-бъ къ сестрѣ на похороны
И гробъ толкнула-бы ногой!...

(Смѣется).

Теперь идемъ!.. Нѣтъ, надо прежде
Капралу въ горло ножъ воткнуть.
Потомъ «прости» сказать надеждѣ
И въ темномъ склепѣ отдохнуть....
Пустите!... *(Бросается на Неизвѣстнаго; слуги ее уводятъ).*

Сцена VII.

Гёте и Неизвѣстный.

Гёте.

Какая страшная картина!
О, Неизвѣстный, удались.
Здѣсь разомъ рухнула плотина,
И воды страшно полились.
Я самъ стою у темной бездны, —
Потокъ сердито камни рветъ.
Уйди, прошу тебя, любезный,
Но тайна здѣсь пускай умретъ!
Отъ правосудія людскаго
Уйти — вотъ путь тебѣ лежитъ;
Но отъ Суда, бѣднякъ, другаго
Никто изъ насъ не убѣжитъ.
Прощай! Я самъ хочу на волѣ
Поплакать горестно надъ ней.
Здѣсь о Миньонѣ горькой долѣ
Со мной заплачетъ соловей!

Неизвѣстный *(уходя)*.

Старикъ безъ чувствъ, — его поднять?
Примѣрно, это третій нумеръ!

Гёте.

Ступай! Мнѣ больно повторять:
Отецъ сестеръ несчастныхъ умеръ!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2/3

Цѣна 1 р. с.

Продается въ книжномъ магазинѣ Е. П. Распопова въ Одессѣ.

